ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Пятница, 5 февраля 1937 г. ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР № 7 (643)

10 февраля — в день столетнего юбилея великого А. С. Пушкина — все народы СССР участвуют в торжестве русской литературы, демонстрируя единство братских культур, национальных по форме, социалистических по содержанию

Пушкин

Несколько дней отделяют нас от столетия со дня гибели великого русского поэта, основоположника новой русской литературы, создателя русского литературного языка—Александра Сергеевича Пушкина.

По всей советской земле развернулась подготовка к проведению пушкинских дней. Нет ни одного завода, цеха, колхоза, бригады, части Красной армии, школы, советского учреждения, научной, общественной организации, где не проводились бы конференции, вечера, посвященные памяти поэта. Велик интерес и внимание широких народных масс социалистической страны к творчеству национального гения литературы русского народа. Партийный актив, рядовые рабочие и колхозники с огромным интересом читают не только произведения А. Пушкина, но и литературно-критические работы о жизни и творчестве поэта. С докладами о великом русском поэте выступают на своих конференциях не только пушкинисты, критики, преподаватели, партийные работники, но и рядовые рабочие и колхозники.

В красных уголках общежитий, в клубах, в домах социалистической культуры организуются выставки, посвященные жизни и творчеству Пушкина.

Никогда еще в таком массовом количестве читатель не получал изданий Пушкина. На последнем заседании Всесоюзного пушкинского комитета были приведены цифры, свидетельствующие о колоссальной работе, проделанной нашими издательствами. Так, с 1898 по 1917 год в царской России были изданы произведения Пушкина всего лишь в количестве 9,1 млн. экземпляров; в Советской стране с 1917 по 1935 год включительно Пушкин был издан в количестве 9,3 млн. экземпляров. А за 1936 год выпущено 10,8 млн. экземпляров сочинений Пушкина. Только за последние три месяца Гослитиздат выпустил шеститомник Пушкина стотысячным тиражом и однотомник сочинений поэта тиражом в 350.000 экземпляров.

Всесоюзный пушкинский комитет на последнем своем заседании установил порядок чествования великого поэта. Среди важнейших мероприятий Всесоюзного пушкинского комитета следует в первую очередь сказать о Всесоюзной пушкинской выставке, открывающейся в Москве в здании Исторического музея 16 февраля. На ней будут демонстрироваться свыше четыре тысячи экспонатов, иллюстрирующих важнейшие этапы жизни и творчества Пушкина.

Намеченные Всесоюзным пушкинским комитетом мероприятия только в незначительной мере охватывают культурную жизнь страны в пушкинские дни. В братских республиках СССР кипит активная работа по подготовке пушкинских торжеств, издаются произведения Пушкина на языках всех народов СССР, готовятся доклады, торжественные заседания, массовые празднества.

Разве хоть в какой-нибудь мере наши подлинно всенародные торжества могут пойти в сравнение с теми, какие проводились в дореволюционное время в царской России? Пушкин—бунтарь, гуманист, певец свободы, великий реалист, Пушкин — поэт народа—был тогда загримирован под либерального чиновника царской России, а подлинный Пушкин оставался неведом широким народным массам.

Пророческие слова А. С. Пушкина:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык—

сбылись в социалистической стране трудящихся. Освобожденные народы Советского Союза, в жестокой, кровавой борьбе с эксплоататорами и угнетателями завоевавшие себе право на счастливую, радостную, культурную жизнь, овладевают великим творческим наследием поэта, скрывавшимся ранее от них заправилами царской России, чиновниками и либеральными литераторами.

Многие народы, только теперь получившие свою письменность, уже перевели на родной язык произведения великого поэта.

На тунгусском языке появилось первое произведение Пушкина «Станционный смотритель», переведенное аспирантом Института народов Севера Николаем Салаткиным. Произведения Пушкина переведены на 50 национальных языков Советского Союза. Впервые появились переводы произведений Пушкина на эвенкийском (тунгусском), эвенском (ламутском), нанайском (гольдском), ненецком (самоедском), мансийском (вогульском) и на других языках народов Советского Севера.

Нет, весь я не умру,—душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит.

Прошло сто лет, и замечательные образы Пушкина, проникнутые русскими национальными чертами, пронизанные демократическими и гуманистическими мотивами, простые и доступные, вошли в сознание народов, проделавших три революции, как неот'емлемая часть их художественного сознания. Можно ли поэту мечтать о большей славе?

Огромен рост культуры в социалистической стране. Классическое культурное наследие прошлого становится достоянием каждого трудящегося нашей страны. Произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Гоголя, Толстого, неумирающие образы их романов, повестей, стихов и поэм помогают трудящимся нашей страны не только понять свое прошлое, но и воспитывать в себе эстетическую культуру, абсолютно необходимую для человека социалистического мира.

Среди создателей великих эстетических ценностей, наследуемых народами социалистической державы, Пушкину принадлежит одно из первых мест.

В мрачные и жестокие годы крепостнического средневековья и реакционной России Николая I, Аракчеевых, Бенкендорфов, Фотиев, Дундуков—гонителей и душителей всего человеческого, прогрессивного—Пушкин воспел свободу, утвердил в своей поэзии право на всестороннее, гармоническое развитие человеческой личности. Он выразил в своей поэзии простые, доступные всем людям чувства любви, дружбы, разочарования, грусти, ощущения самобытности и полноценности личности, ненависти к душителям всего человеческого. Но в условиях царской России это были запретные чувства.

Только в стране победившего социализма, живущей законами, начертанными в сталинской Конституции—самой демократической и самой гуманной из всех конституций мира, человеческая личность может раскрыть полностью все свои человеческие чувства — гармонические, цельные чувства человека социалистического общества. Гуманизм Пушкина вливается в социалистический гуманизм, как полноводная река в могучий океан. Именно потому он близок нам, потому он наш современник.

Великий гуманист Пушкин не знал подлинных путей для достижения всечеловеческого счастья. Но каждый атом его мятежного и свободолюбивого существа протестовал против того, что у людей это счастье отнимается.

Мы—наследники великого поэта, понимаем смысл его несознанных предчувствий и надежд. Мы — гуманисты и мы знаем путь для достижения всечеловеческого счастья. Наш путь к победе лежит через борьбу, через жестокое подавление враждебных сил, мешающих созданию коммунистического общества. Во имя подлинной человечности мы беспощадно сметаем с нашего пути к счастью человечества всех врагов, в какой бы маске они ни выступали, будь то агент Гестапо — троцкист или его пособник — правый отщепенец.

Пушкин—наш предшественник и современник—один из величайших поэтов человеческой истории. Его творения принадлежат всему трудовому человечеству. Вот почему пушкинские дни проводятся не только в Советской стране, но и за пределами ее неприступных границ. Представители передовой интеллигенции буржуазных стран, стран, еще не находящихся в безраздельном и подлом хозяйничаньи фашистов, чтут память и пропагандируют замечательное творчество великого поэта.

Во Франции, США, Чехословакии, Болгарии, Китае, Афганистане, Иране и других странах созданы специальные пушкинские комитета, проводится большая исследовательская работа над творчеством Пушкина, переводятся произведения поэта, устраиваются конференции, намечаются в пушкинские дни торжественные заседания в университетах и научных обществах.

Слава великого русского национального гения распространяется на весь мир.

А. С. Пушкин. Автолитография грузинского художника А. Чхеидзе.

Пушкинские юбилейные дни в частях Красной армии

В ленинских уголках батарей, эскадронов, рот, в библиотеках домов Красной армии, на кораблях, на пограничных заставах — везде готовятся отметить дату трагической смерти любимого народного поэта.

В Смоленском гарнизоне радио передает на квартиры командиров, что «библиотека Смоленского ДКА по выходным дням проводит консультацию о творчестве Пушкина для начсостава и их семей». Библиотекой выпущен специальный радиобюллетень «Чем же дорог для нас Пушкин». В бюллетене напечатаны высказывания о Пушкине Белинского, Горького, статья тов. Косарева.

В библиотеке проскуровского Дома Красной армии 365 книг Пушкина. Только за ноябрь и декабрь около 500 человек прочли эти книги.

Короткие сообщения на полосах газет военных округов иллюстрируют и уточняют, какая большая работа по подготовке к столетней годовщине со дня смерти Пушкина проводится в подразделениях армии и флота, как близок Пушкин бойцам и командирам.

Вот немногословное сообщение газеты «Красный Балтийский флот»: «Библиотека миноносца «Яков Свердлов» не в состоянии удовлетворить спрос на книги Пушкина. «Онегина», «Дубровского», лирические стихи, «Капитанскую дочку» читают все».

Вот еще: «Краснознаменное училище им. Фрунзе готовится к проведению пушкинских дней. Репетируется «Борис Годунов». Работой хора руководит заслуженный артист республики тов. Куклин».

«18 декабря в электроминной школе проведен пушкинский вечер. Преподаватель тов. Федоров прочел лекцию. Потом краснофлотцы Дмитриев и Владимиров читали «Графа Нулина» и отрывки из «Онегина».

О переводах Пушкина на узбекский язык сообщает газета «Красная звезда» Ср.-Аз. военного округа.

«К 1 января 1937 г. УзГИЗ выпустит из производства книги Пушкина на узбекском языке...»

Газета «Красноармеец» ПРИВО сообщает, что «красноармейцы Воробьев, Неверов, Логинов, Свердлов, лейтенант Богомолов и др. прочли всю прозу и поэмы Пушкина».

Старшина роты N-ской части Балтфлота т. А. Лапин в своем отзыве о Пушкине выразил общее мнение бойцов и командиров: «спустя сто лет народная тропа к памятнику Пушкина не только не зарастает, а превращается в главную магистраль, по которой идут трудящиеся, осваивая литературное наследство».

В архивах наших библотек и музеев лежат старые царские журналы для «солдатского чтения». Пусть лежат!

В батареях, ротах, эскадронах, на кораблях и на пограничных заставах читают Пушкина, учат его стихи наизусть и составляют библиотеки из книг любимого поэта.

Сегодня, в сталинскую эпоху, слава Пушкина становится всенародной славой. И в частях Красной армии, неотделимой от народа, бойцы и командиры чтут память великого поэта.

Накануне открытия Всесоюзной выставки

В громадных залах Исторического музея, в тех семнадцати залах, где развертывается Всесоюзная пушкинская выставка, днем и ночью кипит работа. Заново отремонтированные комнаты декорируются в стиле эпохи, наполняются мебелью XIX века. Стены, щиты и витрины заполнены замечательными экспонатами. Здесь собраны ценнейшие документы, интереснейшие раритеты и уникумы.

3610 томов книг и **4 тысячи** экспонатов получены от различных музеев и учреждений.

Четыре последних зала выставки будет заняты экспонатами и книгами, подобранными по теме «Пушкин и современность». Под стеклянными витринами будут разложены современные издания на русском языке и на языках многочисленных народов нашей великой родины. Стены увешаны картинами современных художников и изумительными рисунками талантливых наших детей — маленьких иллюстраторов Пушкина.

В центре одного из этих четырех зал, на постаменте, служащем одновременно и установкой для книг, будет возвышаться фигура Пушкина, утопающая в цветах.

Повсюду валяются еще обломки стекол, обрезки фанеры, некоторые экспонаты еще в ящиках, другие приставлены к стенкам, разложены по столам и прямо на полу. Но все это будет приведено в образцовый порядок ко дню торжественного открытия грандиозной выставки, этой сокровищницы ценнейших исторических документов и произведений искусства и литературы, связанных с жизнью, творчеством и памятью гениального поэта русского народа.

Утверждено Совнаркомом Союза ССР
1 февраля 1937 г.

О порядке проведения пушкинских юбилейных дней

Постановление Всесоюзного Пушкинского Комитета

1. Провести 10 февраля с. г. в Большом театре СССР торжественное заседание общественных организаций г. Москвы, посвященное столетнему юбилею А. С. Пушкина.

Подготовку, открытие заседания и вступительное слово возложить на т. Бубнова А. С.

Доклад о жизни и творчестве Пушкина поручить директору Института Мировой литературы им. А. М. Горького — т. Луппполу И. К.

На торжественном заседании выступают представители Ленинградского, Украинского и Грузинского Пушкинских Комитетов тт. Н. Тихонов (поэт), Микитенко (драматург) и Г. Тобидзе (поэт).

На заседании выступают представитель Академии Наук СССР, а также А. Н. Толстой, поэты Демьян Бедный и А. И. Безыменский и В. И. Немирович-Данченко.

Устроить после торжественного заседания концерт, организацию которого поручить тт. Бубнову А. С. и Керженцеву П. М.

2. Поручить Московскому Совету оформить к 10 февраля с. г. площадь Пушкина, площадь Свердлова, фасад Большого театра СССР, а также и другие места в Москве, связанные с жизнью и творчеством А. С. Пушкина.

3. Московскому Пушкинскому Комитету устроить 10 февраля с. г. в 13 часов торжественный митинг у памятника Пушкина на Пушкинской площади с приглашением делегаций от фабрик и заводов, общественных организаций, учащихся школ, студентов вузов и т. д.

4. Ленинградскому Пушкинскому Комитету устроить 10 февраля с. г. торжественную закладку монументального памятника А. С. Пушкину с участием делегаций от фабрик и заводов, общественных организаций, учащихся школ, студентов вузов и т. д.

5. Предложить Всесоюзному Комитету по делам искусств наблюсти за тем, чтобы 10 февраля с. г. во всех театрах, где не будет пушкинских постановок, были бы организованы вечера-концерты из произведений Пушкина и из произведений на пушкинские сюжеты.

6. Открытие Всесоюзной Пушкинской Выставки, организованной Всесоюзным Пушкинским Комитетом, назначить 16 февраля с. г.

7. Направить в село Михайловское делегацию Всесоюзного Пушкинского Комитета и пригласить делегации Академии Наук и Союза Советских писателей на юбилейные торжества в с. Михайловском 18 февраля с. г.

**Председатель Всесоюзного Пушкинского Комитета
А. БУБНОВ.**

Украина чтит память великого русского поэта

(От нашего киевского корреспондента).

Нет на Украине города или села, где бы память гениального поэта не была отмечена литературными вечерами, лекциями, олимпиадами, читками, выставками и т. д.

Пушкинские конференции и вечера проходят во всех районах Донбасса.

На шахтах и заводах Сталинского района проведено свыше 100 вечеров и прочитано до 500 лекций о творчестве Пушкина.

Свыше 100 человек посетили пушкинские вечера в Ворошиловграде. Стахановец краснолучского рудоремонтного завода т. Прянишников, сталевары-стахановцы тт. Петренко, Раскатников и др. в г. Орджоникидзе организовали у себя на дому товарищеские пушкинские вечера.

На заводе им. Орджоникидзе, Краматорского района, пушкинские «массовки» в цеховых уголках за несколько дней посетило свыше 1.500 человек.

Родина движения «пятисотниц» — район им. Петровского на Киевщине—активно включилась в юбилейную подготовку. В районе проводится пушкинский декадник. В селе Староселье прошли массовые вечера с участием самодеятельных кружков, на которых присутствовало 670 колхозников. В колхозной библиотеке с. Чапаевки, Золотоношского района Киевской области, свыше 100 колхозников изучали произведения великого поэта.

Колхозный драматический кружок готовит к постановке отрывки из «Цыган», инсценировку повести «Дуэль» и др.

Во всех округах Винницкой области на предприятиях и в колхозах проводятся лекции и доклады. Инсценировки произведений Пушкина покажут рабоче-колхозный театр им. Постышева, еврейский и украинский театры.

В дни юбилея во Дворце культуры днепропетровского металлургического завода им. Петровского состоится костюмированный вечер—инсценировка бала у Лариных. Участники вечера приедут в костюмах пушкинских времен.

Пушкинские вечера устраиваются на квартирах у 50 стахановцев завода.

Во всех рабочих клубах Днепропетровска проводятся пушкинские фестивали.

В столице цветущей Украины, Киеве, к чествованию памяти великого русского поэта готовятся все предприятия и учреждения. Создан оргкомитет городской пушкинской олимпиады. В составе жюри — драматург И. Микитенко и поэт М. Рыльский.

Изучение литературного наследства поэта хорошо организовал Дом культуры работников госторговли.

Пушкинский вечер в Государственном университете привлек свыше 1000 комсомольцев-активистов. С лекцией «Пушкин—великий русский поэт» выступил московский пушкиновед проф. М. А. Цявловский. На фабрике им. Горького на пушкинском вечере с докладом выступил член всесоюзного пушкинского комитета С. М. Бонди.

Академия наук УССР готовит сборник «К столетию со дня смерти А. С. Пушкина», редактируемый академиком Затонским, академиком Тычиной и проф. Белецким.

На пушкинской сессии Академии наук СССР, которая состоится в Москве, академик Тычина сделает доклад на тему «Пушкин и литература украинского народа».

Наркомпрос УССР и ЦК ЛКСМУ организовали смотр литературных произведений учащихся средних школ. Этот смотр должен стимулировать развитие литературного творчества учащихся, привлечь их к изучению произведений Пушкина, улучшить изучение в школах литературы и языка. Среди премий за лучшее произведение о Пушкине—стипендия до окончания средней и высшей школы и экскурсии в Ленинград для посещения Пушкинского дома.

И. МАРКУС.

Выставка в Эрмитаже

(От нашего ленинградского корреспондента).

В восемнадцати залах Государственного Эрмитажа идут оживленные работы по устройству большой пушкинской выставки. Из стальных сейфов Института литературы при Академии наук СССР сюда переносят драгоценные рукописи поэта, документы. Они будут впервые выставлены для широкого обозрения.

Здесь собирают музейные портреты, старинные издания книг. Художники приносят картины, посвященные Пушкину, дети несут свои рисунки.

Центральный отдел выставки отобразит жизненный и творческий путь Пушкина. Здесь будут показаны прижизненные портреты поэта, подлинные рукописи его произведений, иллюстрации и автоиллюстрации к ним, портреты его друзей и врагов, книги, которые читал Пушкин, виды мест, которые посещал поэт, материалы, характеризующие быт пушкинской эпохи. Этот отдел занимает шесть зал.

В двух соседних залах размещается второй раздел выставки — «Творческая лаборатория Пушкина», где сосредоточены интересные материалы, показывающие работу великого русского поэта над рукописью, печатным текстом и пр.

Третий отдел выставки расскажет о судьбе литературного наследия Пушкина в дореволюционный период, о том, как искажалось и фальсифицировалось творчество свободолюбивого поэта.

Огромный великолепный зал занимает на выставке отдел «Народы Советского Союза и творчество Пушкина». Миллионные тиражи изданий сочинений поэта, переводы на языки **50** народов Союза, заводские многотиражки и колхозные стенгазеты, посвященные Пушкину, макеты пушкинских спектаклей, кадры из кинофильмов, скульптура, живопись, рисунки советских художников, материалы о пушкинских вечерах на предприятиях, в колхозах, школах, красноармейских частях, — множество самых разнообразных материалов рисует огромное внимание партии и правительства к литературному наследию великого русского поэта, создателя русского литературного языка и родоначальника новой русской литературы.

В отделе «Пушкин в мировой литературе» экспонируются переводы произведений поэта на иностранные языки, иностранная критическая литература о Пушкине и материалы, показывающие отражение творчества Пушкина в западноевропейской литературе.

Б. РЕСТ.

Оздоровление работы ленинградского союза писателей

ЛЕНИНГРАД, 4 февраля **(по телефону от нашего корреспондента).** Сегодня состоялось заседание Правления Ленинградского отделения ССП, посвященное положению ленинградской литорганизации (см. «Литературную газету» №№ 1, 2, 3 за 1937 г.).

В заседании приняли участие: секретарь ленинградского обкома ВКП(б) тов. А. С. Щербаков, секретарь горкома ВКП(б) тов. А. И. Угаров и заведующий культпросветотделом горкома ВКП(б) тов. И. Э. Цильштейн.

На заседании выступили писатели: Н. Тихонов, А. Толстой, М. Слонимский, Б. Лавренев, М. Козаков, А. Прокофьев, С. Маршак, В. Саянов, М. Зощенко, О. Форш, М. Чумандрин и В. Беспамятнов.

Писатели единодушно приветствовали решения областного и городского комитетов ВКП(б) об укреплении партийного руководства в Ленсоюзе писателей.

В постановлении, принятом Правлением Ленинградского ССП, указано на ряд ошибок, допущенных в работе ленинградской литорганизации, и намечены мероприятия по оздоровлению работы Ленсоюза.

Правление постановило освободить А. Горелова и В. Беспамятнова от обязанностей секретарей Ленсоюза.

Первым секретарем избран **И. Э. Цильштейн,** вторым секретарем **Н. Г. Свирин.**

Обращение Ромэн Роллана

К национальной конференции Французской Коммунистической партии

Вильнев, (Во), 20 января 1937 г.

Дорогие товарищи, сердечно благодарю Вас за полученное мною приглашение на Национальную конференцию партии. Я чувствую, что этим мне оказана честь и выражено дружественное отношение ко мне. Очень сожалею, что мое здоровье не позволяет мне приехать и присутствовать на конференции. Можете быть совершенно уверены, что я с полным сочувствием слежу за деятельностью французской коммунистической партии. Эта партия по логике исторического процесса и благодаря ее собственной мудрости стала истинной представительницей не только французского народа и его международной миссии, но и правильной, здоровой французской национальной политики: ибо в настоящее время между этими двумя великими делами существует полная общность. Защищая свободу и социальную справедливость, защищают вековую Францию от смертельной опасности фашистского империализма Германии и Италии.

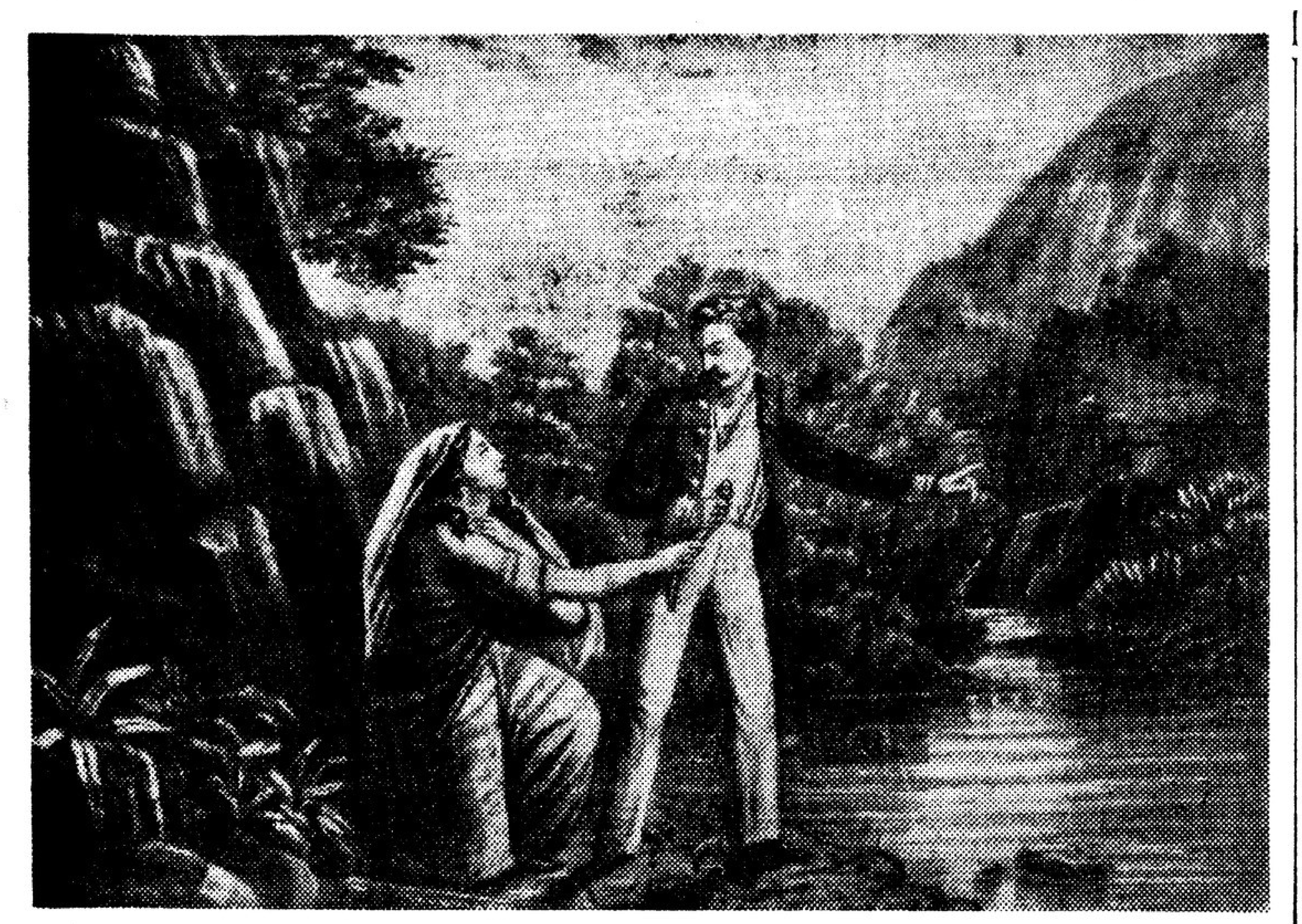
Теперь, когда условия, связанные с существованием Народного фронта, обязывают к стольким тягостным предосторожностям, я восторгаюсь проницательностью, выдержкой, политической твердостью товарищей, на долю которых выпала высокая честь руководить партией. Я надеюсь, что им, — благодаря их усилиям и самоотверженности, удастся наконец убедить и склонить на свою сторону слишком нерешительное и слишком слабое правительство, которое уже столько раз, в Испании, рисковало сильно скомпрометировать политическую безопасность Франции и столь необходимый успех дела демократии.

Как бы слаб ни был мой голос, я всегда буду выступать за мир и свободу, за наших испанских братьев, защищающих мир и свободу от кондотьеров всех реакционных направлений, за все более тесный союз с нашим славным другом — СССР, за всех мужчин и женщин, героически страдающих и борющихся во всех странах мира, защищая наши идеалы.

Я верю! Мы победим!

Посылаю всем товарищам, участвующим в Национальной Конференции французской Коммунистической партии, братский привет и уверение в моей сердечной преданности.

Накануне пушкинских торжеств

Изогизом выпущен альбом «Пушкин в изобразительном искусстве». НА СНИМКЕ: «Кавказский пленник». Лубочная литография 1840-х годов, воспроизведенная в альбоме.

Что выпустил Изогиз к юбилею

К пушкинскому юбилею Изогиз выпустил различного рода художественные издания — плакаты, портреты, картины, художественные альбомы, книги и открытки.

Из многокрасочных плакатов плакат Кноблока и Клуциса «Слава великому русскому поэту Пушкину» отпечатан на тринадцати языках народов СССР.

Полуторамиллионным тиражом изданы красочные и тоновые портреты Пушкина — с оригиналов художников Тропинина, Кипренского, Панова, Мате. Вышла также из печати серия многокрасочных картин «Пушкин на экзамене в лицее декламирует свои стихи» (И. Репин), «Пушкин в лицейском саду» (В. Серов), «Бахчисарайский фонтан» (К. Брюллов) и «У лукоморья дуб зеленый» (Н. Крамской).

Под редакцией В. А. Десницкого и В. Е. Евгеньева издана серия художественных таблиц большого формата: «Жизнь и творчество Пушкина». Таблица, посвященная «Евгению Онегину», дает характеристику романа, историю его создания и появления в печати, оценку романа Белинским и Горьким и т. д. Интересны таблицы «Проза Пушкина», «Поэмы и драмы Пушкина» и др. Серия пушкинских таблиц предназначена для широкого круга читателей в качестве пособия по самообразованию, а также для школ, техникумов и вузов.

Из художественных альбомов нужно отметить следующие: «Даты жизни и творчества Пушкина» (130 тоновых и красочных иллюстраций, расположенных в хронологическом порядке), «Пушкинский заповедник» (серия многокрасочных акварелей художника Хижинского) и многокрасочный альбом «Пушкин в изобразительном искусстве».

Подготовляется к выпуску в свет «Пушкинская выставка», состоящая из 12 стендов и содержащая биографические данные о Пушкине, выдержки из его произведений, краткую библиографию его сочинений и иллюстраций к ним, а также отзывы классиков марксизма о творчестве великого поэта.

«Выставку» редактируют М. Цявловский, Б. Томашевский, Н. Лебедев-Полянский и Б. Малкин.

Письмо с Алдана

Недавно мы побывали у стахановца золотой промышленности Ивана Васильевича Куликова. Он сидел за столом, склонившись над книгой Пушкина. Рядом с книгой лежала тетрадь, в которую Куликов, повидимому, что-то записывал.

Поздоровавшись с нами, он скромно заметил:

— Пушкиным занимаюсь...

Завязалась беседа, во время которой Иван Васильевич открыл нам свой «секрет»: он, оказывается, готовится к докладу о жизни и творчестве А. С. Пушкина, собирается рассказать о нем горнякам своей шахты.

Показывая книги и разложенные на столе материалы, Куликов говорит нам:

— Предстоит большая работа. Много надо еще прочесть, продумать.

— Когда доклад?

— Примерно в начале февраля...

★

На далеком Алдане широко развернулась подготовка к столетию со дня смерти Пушкина.

Коллектив горного техникума готовит вечер с докладом на тему «Пушкин и русская литература». После доклада будут прочтены отрывки из «Бориса Годунова» и «Скупого Рыцаря». Студенты выступят и в качестве чтецов пушкинских произведений.

В полной средней школе создана юбилейная комиссия, которая готовит литературно-музыкальный монтаж из произведений Пушкина. Школьные литературные кружки изучают материалы о жизни и деятельности великого поэта. Во всех классах открываются пушкинские уголки. Выпускается специальный номер стенгазеты.

К пушкинским дням на золотом Алдане деятельно готовятся и библиотека и Селигдарская электростанция, и районный дом партийного актива, где развертывается большая выставка о жизни и творчестве великого русского поэта.

С. ПЕТРОВИЧ
А. ШАЛЫГИН

Московские школы в дни юбилея

Тысячи школьников столицы примут активное участие в праздновании юбилея великого поэта. Во всех школах Москвы, а их около 600, состоятся с 10 по 20 февраля пушкинские утренники для младших и вечера для старших школьников.

В дни юбилея учащиеся московских школ посетят около 1000 пушкинских концертов, в программах которых большое место будет отведено художественной самодеятельности.

10 февраля в Колонном зале Дома союзов соберутся учащиеся 7—10 классов средних школ. Они прослушают доклад о жизни и творчестве Пушкина и содоклады самих школьников об изучении Пушкина в советской школе.

На следующий день в городском доме пионеров состоится сбор председателей пионерских отрядов. С 12 по 24 февраля в городском доме пионеров состоится конкурс на лучшего чтеца пушкинских произведений.

18 февраля в Колонном зале Дома союзов будет дан бесплатный пушкинский концерт Государственной филармонии для учащихся 5—10 классов.

Н. БЕЛЬЧИКОВ

Пушкин и революционные демократы шестидесятых годов

«До Пушкина не было в России истинных поэтов... Пушкин дал нам первые художественные произведения на родном языке, познакомил нас с неведомою до него поэзией», — так писал Чернышевский. Пушкин и в глазах Добролюбова был культурным явлением огромной важности.

В критической литературе до сих пор неверно решался вопрос о том, как гениальный поэт был воспринят и оценен вождями крестьянской революции 60-х годов. Нередко можно встретиться с голословным обвинением Чернышевского и Добролюбова, что они якобы не понимали, не умели оценить бессмертных творений Пушкина. Некоторые из наших критиков утверждают, что «в 60-е годы разрешалось писать стихи только Некрасову, а Пушкин был осмеян и отброшен как пустой набор слов». Все эти «суждения» решительно опровергаются признанием революционными демократами 60-х годов величия гения Пушкина.

«Художественный гений Пушкина, —писал Чернышевский в статье о нем, — так велик и прекрасен, что хотя эпоха безусловного удовлетворения чистою формою у нас миновалась, мы доселе не можем не увлекаться дивною художественною красотою его созданий. Он истинный отец нашей поэзии, он воспитатель эстетического чувства и любви к благородным эстетическим наслаждениям в русской публике, масса которой увеличилась благодаря ему, — вот его права на вечную славу в русской литературе». В этих словах с неопровержимой ясностью Чернышевский утверждает положения: Пушкин — величайший поэт-художник и слава его творений бессмертна.

Те же мысли находим и у Добролюбова: «Русская публика привыкла к имени Пушкина как своего великого национального поэта. Она до сих пор перечитывает и наслаждается живою прелестью его стихов... у нас еще долго будут ярко блестеть лучи поэзии Пушкина».

В годы борьбы с эстетами, в годы борьбы с защитниками канонов дворянской усадебной литературы Чернышевский и Добролюбов вырабатывали эстетику критического реализма, реализма, разоблачавшего основы крепостнического строя, срывавшего маску с лица гнусного российского либерализма и показывавшего ужасы новой, капиталистической эксплоатации народных масс.

Чернышевский и Добролюбов в созданиях Гоголя видели наиболее яркое и сильное выражение сатирического, критического изображения действительности. Гоголь в глазах Белинского, Чернышевского и Добролюбова был писателем по преимуществу социальным. «Гоголю многим обязаны те, которые нуждаются в защите, — писал Чернышевский, — он стал во главе тех, которые отрицают злое и пошлое».

Эстеты-критики 50-х годов, сторонники пушкинского направления в литературе, то есть «гармонического» изображения явлений, и противники обличительного гоголевского направления утверждали, что Пушкин был «чистым художником» и не был «привязан к грязному хвосту жизни».

В противовес этой точке зрения Чернышевский и Добролюбов показали подлинно реалистическую основу в творчестве Пушкина. Важнейшее качество творчества Пушкина Чернышевский видел в том, что «Пушкин первый стал описывать русские нравы и жизнь различных сословий русского народа с удивительною верностью и проницательностью... Прежние писатели редко избирали предметом своих рассказов русскую жизнь, а если и делали это, то описывали ее неточно и неестественно».

Добролюбов также указывал на реалистический характер поэзии Пушкина. «Пушкин откликнулся на все, что было в русской жизни», — говорил Добролюбов, — «он обозрел все ее стороны, проследил ее во всех степенях, во всех ее частях, никому не отдаваясь исключительно».

Чернышевский и Добролюбов указывают не мало конкретных сюжетов, взятых Пушкиным из жизни. Они указывают, что Пушкин поощрял Гоголя к разработке «Ревизора» и «Мертвых душ», сюжеты которых дал ему автор «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина».

Отмечая огромное значение Пушкина в области создания стиха и русской поэзии, революционные демократы, в опровержение заявлений сторонников «артистической теории» о чистой художественности Пушкина, указывали на общественный характер его поэзии. Добролюбов прямо говорит, что Пушкин «умел понимать свои обязанности к обществу».

Общественное значение поэзии Пушкина они видели в том, что его стихи приобщали к культуре огромные слои общества. Эту мысль ярко высказал Чернышевский: «Его (Пушкина) произведения могущественно действовали на пробуждение сочувствия к поэзии в массе русского общества; они умножили в десять раз число людей, интересующихся литературою и через то делающихся способными к восприятию высшего нравственного развития».

Гуманизм поэзии Пушкина, яркое проявление в ней пробудившейся и осознавшей свободу и счастье жизни личности, при условии счастья других, «нравственное здоровье» Пушкина — все это привлекало внимание революционных шестидесятников. Сама личность Пушкина, ее высокочеловеческие свойства побудили Чернышевского говорить о поэте, как о разительном явлении. Всем этим революционные демократы опровергают ложные утверждения о том, что Чернышевский и Добролюбов не поняли Пушкина, разбранили его, не оценили его живой натуры.

Взгляды и оценки Чернышевского и Добролюбова в основном совпадают. Однако каждый из них, в силу различия времени, когда тот или другой из них писал о Пушкине, выдвигал наряду с общими основными взглядами и такие стороны в Пушкине, о каких другой не говорил.

Чернышевский писал раньше Добролюбова. Чернышевский выступил со статьями о Пушкине в 1855—1856 гг., когда только что наметилось размежевание с либерально-дворянским лагерем литературы и критики. Чернышевский первый заговорил о том, что литературе надо усилить «критический элемент». В художественном методе новой литературы, имеющей своей задачей служить народу, Чернышевский признавал обязательным сатирический элемент и «правду без всяких прикрас». В Пушкине он находил первое; но полного воплощения эстетики «критического элемента» он не видел.

Добролюбов выступил со своими статьями о Пушкине тогда, когда уже появилась и выросла фаланга демократических писателей — Некрасов, Щедрин, Н. Успенский, Помяловский и др.

Перед Добролюбовым, как организатором и идеологом строящейся литературы нового класса, встала проблема литературного наследства, усвоение которого могло бы помочь росту и развитию революционно-демократической литературы. Добролюбов не отмахнулся от поэтического наследия Пушкина, а завещал своим соратникам взять ценное у Пушкина. «Нам нужен был бы теперь, — писал Добролюбов,—поэт, который бы с красотою Пушкина и силою Лермонтова умел продолжить и расширить реальную, здоровую сторону стихотворений Кольцова».

Добролюбов и Чернышевский возглавляли в 60-е годы литературный авангард революционной демократии и требовали от литературы служения революционным и освободительным задачам в стране, страстно жаждали видеть поэта, беззаветно преданного интересам народных масс, и сумели показать в Пушкине протестующего вольнодумца, а в его поэзии, в запрещенных и неизданных эпиграммах — политический радикализм его взглядов. Они сумели подметить прогрессивно-революционизирующее воздействие его стихов. «Пушкин, — заявляет Добролюбов, — долго возбуждал негодование своей смелостью находить поэзию не в воображаемом идеале предмета, а в самом предмете, как он есть». О таком же прогрессивном воздействии на развитие литературы содержания стихов Пушкина неоднократно говорил и Чернышевский.

«Смиренным» Пушкина революционные демократы не признавали. Связь его с декабристами была для них несомненным и важным фактом. Чернышевский прямо указывал, что Пушкин «писал под влиянием декабристов» свою оду «Вольность». Добролюбов, вопреки Жуковскому, Анненкову, Дружинину и др., рисовавшим «иконописный», слащаво-примиренческий облик Пушкина, без колебаний говорит о бунтарстве Пушкина, о незаглохших под ударами реакции мятежных настроениях его. «В последние годы жизни... Пушкин... несмотря на желание успокоить в себе все сомнения, проникнуться как можно полнее заданным направлением (Добролюбов, очевидно, имел в виду неудавшееся намерение царя и Бенкендорфа «приручить» Пушкина, сделать его покорным.—Н. Б.) — все-таки он не мог освободиться от живых порывов молодости, от гордых, независимых стремлений прежних лет».

Делает честь политической прозорливости Добролюбова и то, что он решительно усомнился в правдивости предсмертных слов Пушкина о «преданности царю», каковые на самом деле оказались словами Жуковского, озабоченного устроением семьи поэта и пытавшегося всячески примирить поэта с царем.

Революционные демократы разглядели в Пушкине великого человека и гениального художника, зачинателя новой реалистической литературы, черпавшего пригоршнями золото жизни для своих произведений.

Революционные демократы ценили в Пушкине, наравне с пылкой и деятельной душой гения, наравне с свободолюбивым его характером, его мечты о счастье, присущем человеку, его высокий культурный уровень. «Каждая страница его кипит, — говорит Чернышевский, — умом и жизнью образованной мысли».

В Пушкине они видели великого писателя, гения мировой литературы.

Добролюбов убежденно говорил о непреходящем значении поэзии Пушкина: «В прошедшем яркой звездой красуется Пушкин, и заря нового литературного движения, конечно, не потемняет еще его блеска».

Чернышевский зачислял Пушкина в пантеон классиков русской литературы, чьи творения будут жить века, в них он видел «залог будущих торжеств нашего народа на поприще искусства, просвещения и гуманности».

«Евгений Онегин» — приезд Лариных в Москву. Рисунок В. А. Серова, 1899.

Адам Мицкевич о Пушкине

Сто лет тому назад, по получении известия об убийстве Пушкина, пребывающий в эмиграции в Париже величайший польский поэт Адам Мицкевич опубликовал 25 мая 1837 г. во французском литературном журнале «Le Globe» знаменательную статью под заглавием: «Notice biographique et littéraire sur Alexandre Puchkin», подписанную: «Un ami de Puchkin» (Друг Пушкина).

Статья эта, резко направленная против самодержавия, долгое время оставалась в России неизвестной. В 1873 году — 36 лет после смерти Пушкина и 18 — после смерти Мицкевича, — Вяземским была написана статья «Мицкевич о Пушкине». В статье этой, помещенной в 7-м томе собрания сочинений Вяземского, изданном в 1882 году, автор, сообщив о статье Мицкевича о Пушкине 1837 года, привел некоторые извлечения из нее, опустив многие, наиболее политически заостренные отрывки и исказив многие другие.

Перевод свой Вяземский делал по французскому оригинальному тексту статьи Мицкевича, опубликованному в публикации Владислава Мицкевича, сына и биографа Адама Мицкевича, под заглавием: «Mélanges posthumes d'Adam Mickiewicz, publiés avec introduction, préface et notes par Ladislaw Mickiewicz. Paris 1872».

Настоящий перевод отрывков статьи Мицкевича сделан по тому же французскому тексту статьи Мицкевича.

Опущенные в переводе Вяземского высказывания Мицкевича о декабристском движении, о роли Пушкина в общественном и революционном движении России печатаются нами крупным шрифтом и впервые воспроизведены на русском языке.

Статья Мицкевича в развернутом ее виде печатается в первом номере русского издания журнала «Интернациональная литература».

Статья Мицкевича о Пушкине, несмотря на ее столетнюю давность, представляет собой совершенно исключительный по своей ценности неоспоримый исторический документ, проникнутый глубокими чувствами одного гения к другому, величайшего представителя одного народа к величайшему представителю другого.

Между Пушкиным и Мицкевичем было много общего. В политической области — ненависть к самодержавию, гонения и преследования со стороны царизма, дружба с декабристами, свободолюбивые мечты и деяния.

В области литературы — раннее увлечение Байроном, борьба за романтизм, затем почти одновременное высвобождение от байроновского влияния, любовь к преданиям и легендам, к былинам, песням и истории своей страны, своего народа. Конечно, многое и разделяло их, и каждый имел самобытную систему взглядов на многие явления действительности.

Но разница в мнениях, наиболее ярко выраженная в отношении к польскому восстанию 1830—31 гг. (хотя оба одинаково не верили в его успех!), ни в малейшей степени не повлияла на отношения Мицкевича к Пушкину.

В своей статье он и не затрагивает ни единым словом существовавших разногласий.

Наоборот, для Мицкевича Пушкин остался навсегда горячим певцом свободы, верным другом декабристов (о которых так сердечно пишет Мицкевич), «главой интеллектуальной оппозиции, политиком, опасным для правительства».

Мицкевич неправильно представлял всю русскую литературу того времени, как сплошь оппозиционную и неподкупную. Достаточно вспомнить Булгарина и Греча, чтобы опровергнуть эту точку зрения. Но Мицкевич правильно считал передовых прогрессивных вольнолюбивых литераторов — и первого среди них Пушкина — представителями настоящей русской литературы.

Отдавая должное искренности, неподкупности и оппозиционным настроениям русских литераторов пушкинского времени, Мицкевич восторженно пишет о революционных стихах Пушкина и лучше других знает он, что для того, чтобы написать подобные произведения в России, «требуется большее мужество, чем чтобы поднять мятеж на улицах Парижа и Лондона». Мицкевич знал лучше других и действительные отношения Пушкина с декабристами и прямо заявляет, что лишь пребывание Пушкина в ссылке спасло ему жизнь. Мицкевич горячо свидетельствует, что вольнолюбивым мечтам своим Пушкин, как и он, Мицкевич, не изменял никогда, но что в последующие после разгрома восстания годы Пушкин должен был лишь «проявлять большую меру и осторожность в словах, большую рассудительность в поступках».

Для Мицкевича Пушкин никогда не был жрецом «искусства для искусства». Он всегда считал его глубоко политическим писателем, которого «можно принять за мужа, постаревшего в общественных делах и ежедневно читающего прения всех парламентов», который «любил разбирать высокие религиозные и общественные вопросы, о которых соотечественникам его и не снилось даже».

Для Мицкевича нет разрыва между политическими идеями Пушкина и между его творчеством. От декабристов — к Сен-Симону и Фурье, от Байрона — к поэзии революционной, к поэзии действительности, к творчеству для народа, — таков был путь Пушкина, — заявляет Мицкевич в своей статье.

Глубокие и волнующие мысли Мицкевича о Пушкине и его времени, о которых мы здесь лишь вкратце вспоминаем, заслуживают самого пристального внимания советской общественности и наших пушкинистов.

* * *

«...Прочитав байроновского «Корсара», Пушкин почувствовал себя поэтом. Одно за другим появилось много его произведений, между которыми наиболее выдающимися были «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан».

Опубликованные поэмы эти возбудили среди публики неописуемый восторг. Большая часть читателей была поражена новизною поэтических тем и форм; женщин изумляла глубина чувств молодого человека и богатство его воображения; литераторы были поражены силою, точностью и изяществом стиля.

Пушкин был всеобще признан первым писателем своей страны... И в действительности в первых его произведениях все является байронистским — и тема, и характер, и мысль, и форма. А между тем Пушкин не столько был подражателем своего любимого поэта, сколько, скорее всего, был лишь покорен его духом. Он не был фанатическим байронистом, скорее всего он был — мы назовем его — байронизирующим, **ибо если бы произведений английского поэта и вовсе не существовало, Пушкин был бы провозглашен первым поэтом своей эпохи.**

Подобное явление предвещало на севере великую революцию в литературе; все разговоры в салонах вращались вокруг качеств и недостатков новой поэтической школы. Борьба между классицизмом и романтизмом могла (была готова) в каждую минуту вспыхнуть в России, а наиболее знаменательно то, что в то же самое время подготовлялась там и политическая революция (затевался политический переворот)...

Несколько дворян и несколько военных, полные энтузиазма к свободе, поверили в то, что соотечественники их искреннейшим образом разделяли их чувства и что настал момент, когда стало возможным свергнуть деспотизм и установить на его место конституционную монархию или республику. И в то же самое время, когда в тайных собраниях основывался заговор, (вовне) старались распространять свободолюбивые понятия при помощи писем и книг. Литераторы в России составляют род братства, связанного многими узами. Почти все они либо люди зажиточные, либо правительственные служащие, и пишут они большею частью ради славы и почета. Так как талант не стал еще у них предметом торговли, редко между ними поэтому встречается профессиональная зависть или вражда интересов. По крайней мере, я не видал ни одного хотя бы подобного примера. Поэтому литераторы любили часто собираться вместе, почти каждый день встречались друг с другом и проводили весело время среди трапез, чтений и дружеских споров. Потому-то заговорщикам, многие из которых были знаменитыми литераторами, легко было создать себе среди своих друзей многочисленных сторонников как в Петербурге, так и в Москве.

Вскоре же, будто по условному сигналу, вся русская литература встала на сторону оппозиции. Те, кто не осмеливался затрагивать своими произведениями правительство, замкнулся в грозном молчании. Необходимо здесь к чести русских литераторов признать душевное мужество и незаинтересованность, примеры которых трудно было бы найти в более свободных и более цивилизованных странах. Я глубоко убежден, что те огромные суммы, которые русский кабинет тратит на покупку за границей стольких услужливых защитников, не хватило бы на покупку одного даже из русских литераторов, пользующихся известностью, хотя бы за единую газетную статью, за одну мельчайшую похвалу, даже за одно вежливое слово. То, что мы здесь говорим, является настолько правдивым, что во время коронации царя Николая нельзя было найти в Москве ни одного поэта, который захотел бы воспеть это торжество, которое таким образом в массах могло бы пройти незамеченным, если бы не нашелся иностранный бард, прибывший из Парижа, который сложил к ногам его величества, всероссийского царя, дифирамб, полный самого горячего легитимизма.

Пушкин, как все его друзья, был в оппозиции, и в последние годы царствования Александра выпустил в свет несколько эпиграмм против его личности и правления. Он написал даже оду «Кинжал». Эти летучие стихи в рукописях пробежали Россию от Петербурга до Одессы; их всюду читали, толковали, восхваляли. Они принесли поэту больше популярности, чем позднейшие его произведения, имеющие гораздо большую ценность. **Но правда, чтобы написать что-либо подобное, в России требуется большее мужество, нежели поднять мятеж на улицах Парижа или Лондона. Так с тех пор Пушкин стал считаться главой интеллектуальной оппозиции, политиком, опасным для правительства.** Царь счел нужным запретить ему пребывание в столице и удалить в провинцию, что **спасло ему жизнь, ибо вскоре был раскрыт большой заговор. Мятеж в Петербурге был ликвидирован, восстание в южных провинциях было подавлено, и несчастные революционеры погибли на эшафоте, либо навсегда пропали в сибирских рудниках».**

Мицкевич указывает далее в своей статье, что некоторые круги выражали свое неудовольствие по поводу приема Николаем Пушкина после ссылки и «начали обвинять Пушкина в измене патриотическому делу; а в виду того, что возраст его и опыт стали возлагать на него обязанность проявлять большую меру и осторожность в словах, большую рассудительность в поступках, перемену эту стали считать честолюбивой расчетливостью».

Далее Мицкевич восторженно пишет о произведениях Пушкина «Цыганы» и «Мазепа» (как называет он «Полтаву»), называя их «выдающимися произведениями, свидетельствующими о прогрессивности природы таланта Пушкина», о «Евгении Онегине», считая его «наиболее прекрасным и наиболее национальным его произведением», а о «Борисе Годунове», между прочим, пишет: «...Драма эта содержит в себе не только изумительные подробности, но и целые изумительные сцены. Особенно пролог кажется мне столь оригинальным и величественным, что я не колеблюсь признать, что он является единственным в своем роде и не могу удержаться, чтобы не сказать о нем несколько слов».

Передав содержание пролога, Мицкевич продолжает: «Драма эта, как и все, что Пушкин тогда писал, вовсе не является мерилом его истинного таланта; в ту эпоху, о которой мы здесь говорим, он прошел лишь часть того пути, который он был способен пройти. Ему было всего тридцать лет. **Те, которые его тогда знали, замечали в нем знаменательную перемену.** Вместо того чтобы жадно поглощать романы и иностранные журналы, которые некогда его почти исключительно интересовали, он предпочитал теперь слушать народные былины, песни и историю своей страны. Казалось, он навсегда покидает чужеземные сферы (области), внедряется в русскую почву и срастается с родной своей землей. **Одновременно в разговорах его, которые становились все более серьезными, можно было часто заметить зародыши будущих его произведений. Он любил обсуждать высокие религиозные и общественные вопросы, которые соотечественникам его даже и не снились. Очевидно в нем происходило какое-то внутреннее преобразование.** Как человек и как художник, он изменил бы, без сомнения, свое предыдущее направление, а скорее всего — нашел бы свое собственное. Он перестал даже писать стихи, опубликовал лишь несколько исторических произведений, которые можно было бы считать лишь подготовительными работами. **Но к чему он готовился? Щегольнуть ли когда-либо своей эрудицией? Наверно нет. Он презирал авторов, пишущих без цели и стремлений; он не любил философского скептицизма и художественного холода, который видел в Гете. Что творилось в этой душе? Пробуждался ли там в тишине дух, воодушевляющий произведения Манзони или Пеллико, оплодотворяющий размышления Томаса Мора, который тоже умолк? А может быть его воображение работало над тем, чтобы воплотить мысли в духе Сен-Симона или Фурье? Не знаем. В его летучих стихах и в его разговорах встречались следы обоих этих направлений.** Как бы то ни было, я убежден, что его поэтическое молчание было счастливым предзнаменованием для русской литературы. Я ожидал, что вскоре он вновь появится на сцене, совершенно новым человеком, во всей силе своего таланта, с созревшим опытом, окрепшим в длительной работе. Все, кто его знал, разделяли мои желания. Пистолетный выстрел разрушил эти ожидания.

Пуля, поразившая Пушкина, нанесла интеллектуальной России страшнейший удар. Есть у нее и теперь знаменитые писатели... Но никто из них не заменит Пушкина. Ни одной стране не дано, чтобы в ней больше, нежели один раз, мог появиться человек со столь выдающимися и столь различными способностями, которые, казалось бы, обычно исключают друг друга.

Пушкин, читатели которого восхищались его поэтическим талантом, изумлял своих слушателей живостью, ясностью и тонкостью своего ума. У него была удивительная память, уверенное суждение и изысканный вкус. **Слушая его рассуждающим об иностранной политике или политике своей страны, можно было его принять за мужа, постаревшего в общественных делах и ежедневно читающего прения всех парламентов.** Своими эпиграммами он создал себе много врагов, которые за это мстили клеветой.

Я знал русского поэта близко и довольно долго; я считал его человеком характера слишком впечатлительного, иногда беспечного, но всегда искреннего, благородного и склонного к душевным излияниям. Недостатки его находились как бы в зависимости от обстоятельств и от общества, в котором он жил, но то, что было в нем хорошего, вытекало из собственного его сердца.

Он умер на тридцать восьмом году жизни.

ДРУГ ПУШКИНА».

Перевод с французского С. Людкевича.

Накануне пушкинских торжеств

В. ЛУКАШЕВИЧ

Как Российская империя праздновала пушкинский юбилей

1

26 мая 1899 г. по старому стилю исполнилось сто лет со дня рождения А. С. Пушкина.

К этому времени его современников уже не осталось в живых.

Репортеры с трудом разыскали только одну ветхую старушку, вдову портного, которая сообщила репортерам, что Александр Сергеевич венчался во фраке, сшитом ее мужем, а Наталия Гончарова была красива и добра к ней. Впрочем, юмористические журналы тут же выразили сомнение — не выдумал ли эту старушку репортер ради легкого заработка...

Таким образом, уже не было в живых людей, знавших подлинного Пушкина. Старушка, конечно, в счет не шла, если даже и существовала.

То было время, когда семинарские Тиберии Горобцы и Хомы Бруты в каждом номере миссионерских журналов «обличали» Л. Н. Толстого.

Неприятности православной церкви и царского правительства не ограничивались одним Л. Н. Толстым (кстати, как раз в 1899 году вышел его роман «Воскресение»). Правильнее было бы сказать, что появление в русской литературе каждого крупного писателя было для них неприятностью. Назовем хотя бы Добролюбова, Белинского, Герцена, Некрасова, Салтыкова-Щедрина.

Кого правительство и церковь могли противопоставить этой мощной, разрушающей критике? Где они могли найти крупного писателя, «преданного трону и православию»? Могли ли занимать умы современников Третьяковский или Державин!

И вот тогда-то, быть может, не без участия обер-прокурора «святейшего» синода Победоносцева, фактически правившего Россией, правительство попыталось противопоставить современной литературе величайшего русского поэта Пушкина.

2

Для этого надо было совершить величайший подлог. Подлинного Пушкина надо было заменить фальсифицированным, поддельным. Еще во время открытия памятника Пушкину в Москве была издана отдельной книжкой актовая речь преподавателя духовной академии В. В. Никольского «Идеалы Пушкина», в которой этот Тиберий Горобець, не краснея, писал: «Ценой глубокого раскаяния и горьких слез искупил он (А. С. Пушкин) заблуждения своей юности и, выйдя на царский путь, куда звало его «божие веление», он в дивных поэтических глаголах высказал заветные верования русского народа, его глубокую привязанность к своим вековым учреждениям, его высокую веру в идеал царя, отмстителя неправдам, защитника утетенных, милосердного к падшим».

С таким же основанием семинарские Хомы Бруты могли бы, ссылаясь на пушкинские «подражания корану», утверждать, что поэт был правоверным магометанином!

В период подготовки и самого празднования, говоря коммерческим языком того времени, «вниманию почтеннейшей публики» был предложен богатый выбор различных вариантов подделки образа великого поэта.

Крупнейший либерал тех лет А. Ф. Кони добросовестно продолжил начатую Тиберием Никольским линию.

На торжественном заседании Академии наук, посвященном юбилею, Кони произнес речь о том, что, мол, Николай I «высоко ценил и понимал поэта», что у Пушкина к 22 годам «уже прочно сложилось твердое религиозное чувство, и, говоря словами Лермонтова, «вера гордая в людей и в жизнь иную», т. е. в возвышенные стороны человеческой души и в ее бессмертие...»

Это было двойным подлогом — ведь слова Лермонтова взяты Кони из стихотворения «Памяти А. И. Одоевского», декабриста, отбывавшего каторжные работы. И Лермонтов говорил **не о загробной жизни, а об ином общественно-политическом строе.** Маленькая эта подробность ярко показывает методы фальсификаторов.

«Король» буржуазных фельетонистов В. Дорошевич, на страницах «Будильника», Пушкина, который якобы чуждался политической жизни и был только создателем «песнопений и молитв», противопоставил поэту-борцу Некрасову.

Почтенный фельетонист издевался: «Музе, богине, сошедшей с Парнаса, надели очки, чтобы она лучше могла читать, и засадили ее за передовые статьи... И муза писала в стихах передовые статьи по экономическим вопросам. И из глаз ее лились слезы. Быть может, это были слезы гражданской скорби. Быть может, она плакала от скуки. Быть может, слезы у нее были просто потому, что она не привыкла к очкам...».

Юродствующий публицист, сочетавший цинизм с умиленностью, В. В. Розанов на страницах «Нового времени» изображал великого поэта трезвым обывателем, человеком знаменитого «здравого смысла», близким другом и советником царя (!).

3

Всенародного празднества, конечно, в царской России не получилось да и не могло получиться.

Безграмотному, обнищавшему крестьянству в тот неурожайный голодный год было не до празднеств.

К тому же царское правительство и через 62 года после смерти великого поэта продолжало бояться его влияния на массы. Даже унифицированного, перекрашенного в православно-верноподданнические цвета Пушкина правительство боялось давать массам, ибо целиком перекрасить его не удавалось даже самым усердным Тибериям Горобцам.

По свидетельству «Новостей» (май 1899 г.) «в списке книг, дозволенных к обращению в народных библиотеках, по отделу «рассказы, повести и стихотворения», значится всего 450 названий и из них только двенадцать приходится на сочинения Пушкина. Так же ничтожно число произведений Пушкина, внесенных в список сочинений, «допущенных к произнесению в народных аудиториях».

Официальным предлогом была мнимая «непонятность» произведений поэта простому читателю.

Даже предписывая местным властям прямое участие в празднествах, царское правительство продолжало бояться «недоразумений».

В Кишиневе вице-губернатор запретил дефилирование учащихся перед памятником Пушкина и шествие из собора к памятнику, а из четырех пушкинских чтений разрешил только одно — в зале городской думы.

4

Купцы, промышленники, владельцы доходных домов — все эти «отцы города» из городских дум российской империи — очень мало интересовались литературой.

«Южный край» 8 мая напечатал интересный отрывок из стенографического отчета о заседании Белгородской думы:

«Секретарь (читает): «Комиссия для изыскания средств» нашла возможным ассигновать на торжественное празднование, а также и на достойное увековечение памяти Пушкина сто рублей...» **Гласный Н. Ильинский:** — Тридцать пять рублей — за глаза довольно. **Гласный И. Мачурин:** — Что нам Пушкин? Какой там Пушкин? Мало ли какие там есть Пушкины! Все эти газеты выдумали... пишут — обезьяны мы! Много таких Пушкиных у нас есть. **Гл. Н. Ильинский:** — Картины для волшебного фонаря на них купим... **Один из гласных:** — Да разных там портретиков Пушкина для раздачи школьникам... **Гл. Н. Ильинский:** — Вот и все. Больше ничего и не надо. А главное — тридцать пять рублей. **Гл. И. Мачурин:** — Пушкин! Пушкин! И что такое Пушкин!?. Отказать! Вон когда я просил думу набавить мне к 7000 еще тысячу рублей арендной платы за мои здания, так того... денег нет... а на какого-то там Пушкина есть».

В столице, конечно, «отцы города» были несколько культурнее, но и для них юбилей в сущности служил только поводом для обжорства, застольных речей. «Мы ждем ценного результата только от одного пушкинского празднования, -- иронически писала «Стрекоза» 23 мая, — вы читали в газетах, что и гласные Петербургской думы собираются с'есть обед, стоимостью в восемь тысяч, уже ассигнованных думою, в честь Пушкина. Банкет, конечно, будет обиловать речами. Мы ждем от него многого, ибо если и гг. Лелянов и Тарасов не скажут о Пушкине ничего нового, то за что же город уплатит кухмистеру такую сумму, которой было бы вполне достаточно для прокормления, до нового урожая, десяти или двадцати голодающих деревень?»

Юбилей был поводом не только для обжорства, но и для спекуляции.

По свидетельству «Будильника», появилось много поддельных рукописей и рисунков Пушкина, портреты поэта, якобы написанные его современниками, наконец, в лавках стали продавать «пушкинские» подтяжки, «пушкинские» носки, галстуки, запонки, спички; всякому, купившему товара на определенную сумму, давали в качестве премии портрет поэта.

Празднование столетия со дня рождения великого нашего поэта было в царской России превращено в глупый фарс.

Только у нас, в Советском Союзе, где миллионы трудящихся всех национальностей получили возможность на родном языке прочесть подлинные произведения великого поэта, А. С. Пушкин нашел настоящую родину.

Была ли смертельна рана Пушкина?

Была ли смертельной рана Пушкина? Все ли возможное сделали врачи, чтобы спасти и продолжить жизнь великого поэта — этим вопросом, волнующим вот уже сто лет умы многочисленных читателей Пушкина, были посвящены доклады заслуженного деятеля науки профессора-орденоносца Н. Н. Бурденко и доцента А. А. Арендта, сделанные ими вчера на заседании Пушкинской комиссии Академии наук СССР.

В интересном и содержательном докладе Н. Н. Бурденко ознакомил аудиторию с состоянием хирургической науки в первой половине XIX века и охарактеризовал известных хирургов того времени, в том числе врачей, лечивших Пушкина (Саломон, Арендт и др.). Основываясь на дошедших до нас материалах, докладчик описал рану Пушкина и подробно рассказал о ходе болезни поэта, о методах его лечения.

Н. Н. Бурденко и А. А. Арендт доказывают несостоятельность точки зрения некоторых врачей, утверждающих, что лейб-медик Арендт, руководивший лечением Пушкина, не облегчил по политическим мотивам страданий поэта и не сохранил ему жизнь.

Пушкин, как известно, был ранен в брюшную полость. Ранение в эту область тела неизбежно вызывает перитонит — болезнь, которая при тогдашнем состоянии хирургической науки, неизбежно влекла за собою смерть.

Ничего противоречащего методам лечения, которые обычно применялись в их время при заболевании перитонитом, лейб-медик Арендт и другие врачи, лечившие поэта, не делали.

Таков основной вывод вчерашних докладчиков в Пушкинской комиссии Академии наук.

Доклады тт. Бурденко и Арендта были прослушаны с огромным интересом.

«Сказка о царе Салтане» — охота Гвидона. Композиция И. Вакурова. Воспроизведено в книге Г. Жидкова «Пушкин в искусстве Палеха», выпущенной Изогизом.

Пушкин на английском языке

Первая книжка Пушкина на английском языке вышла в Нью-Йорке в 1846 году под заглавием «Капитанская дочка, или великодушие русского захватчика Пугачева».

В 1849 году в Филадельфии вышел в свет миниатюрный сборник избранных произведений русских поэтов (Пушкина, Державина и др.) под названием «Бахчисарайский фонтан». Поэма Пушкина занимала в нем центральное место.

Только в 1881 году в Лондоне появился первый — из полных до сих пор единственный — перевод Спалдинга «Евгения Онегина».

Проза Пушкина издавалась более часто. Наиболее полный сборник под заглавием «Капитанская дочка и другие рассказы» вышел в переводе Кина в 1915 году.

Только в последние два десятилетия интерес к творчеству великого русского поэта начинают проявлять крупные мастера английского перевода и даже — немногие, правда — поэты. В это время появляются переводы, могущие соперничать с забытыми переводами Томаса Шоу.

Из отдельных книг этого периода должны быть отмечены вышедшие в 1918 году переводы «Бориса Годунова» и «Сказки о золотом петушке» и вышедший в 1925 г. в популярном издании сборник прозаических произведений.

В 1923—24 гг. в журнале «Slavonic Review» печатаются первые переводы одного из лучших английских переводчиков Пушкина, профессора Оливера Элтона. Очень скудные пока, но прекрасные переводы пушкинской лирики дает в эти годы поэт Морис Баринг (стихотворение «Пророк» — лучший из его переводов — напечатано в «Slavonic Review» в июле 1933 г.).

Значительно большее количество книг появляется в последние годы. Так, в 1928 году в роскошном иллюстрированном издании выходит перевод «Пиковой дамы» (перевод Паутермана и Бруэртона, предисловие Д. Святополк-Мирского, иллюстрации А. Алексеева. Лондон, Блакамор Пресс). Тираж книги — 250 экземпляров. Издание явно рассчитано на библиофила и доступно только крупнейшим библиотекам мира.

В 1933 году в узко академической серии исследований по филологии и литературе появляется отдельной книжкой первый перевод «Скупого рыцаря». (Труды Гарвардского университета по филологии и литературе, том XV). Автор перевода — Эрнест Симменс, профессор славянских литератур Гарвардского университета, член правительственного комитета США по празднованию пушкинского юбилея. На массового читателя это издание тоже, разумеется, не рассчитано.

Наиболее доступной и на этот раз остается пушкинская проза. В 1928 году в Нью-Йорке в переводе Н. Даддингтон появляется книга рассказов «Капитанская дочка». В 1930 году в Филадельфии на английском и русском языках выходит отдельной книжкой «Метель», «Станционный смотритель» и «Гробовщик». В 1931 году в Лондоне снова выходит перевод «Пиковой дамы» и наконец в 1933 году в Нью-Йорке, в издании Даттон — наиболее полный за все время сборник прозы.

Несомненно наиболее выдающимся достижением со времени появления первой книжки Пушкина на английском языке является вышедший в Лондоне в 1935 году сборник поэм, сказок и стихов в переводе профессора Элтона — «Стихи Пушкина и других» (издательство Арнольд и К°).

Правда, в книгу включены также переводы нескольких стихотворений Некрасова, Тютчева, Блока и Ахматовой, но они настолько немногочисленны, что она по праву может быть названа пушкинским сборником.

Кроме пяти сказок, в нее вошли обширные отрывки из «Руслана и Людмилы» и «Евгения Онегина», полный перевод «Медного всадника», отрывок из «Полтавы», «Как весенней теплою порою», «Зимняя дорога» и «Домовому».

Е. ЕГОРОВА.

По пушкинским местам

В Гурзуфе

В Гурзуфе, где А. С. Пушкин прожил в 1820 году около 3-х недель, идет деятельная подготовка к столетию со дня гибели великого русского поэта. На-днях в селе состоялись два больших пушкинских концерта и посвященное памяти поэта собрание молодежи. 6 февраля во всех колхозных бригадах будут проведены доклады на пушкинские темы.

Президиум Гурзуфского сельсовета возбудил ходатайство о передаче домика, где жил поэт, под пушкинский музей.

В станице Берды

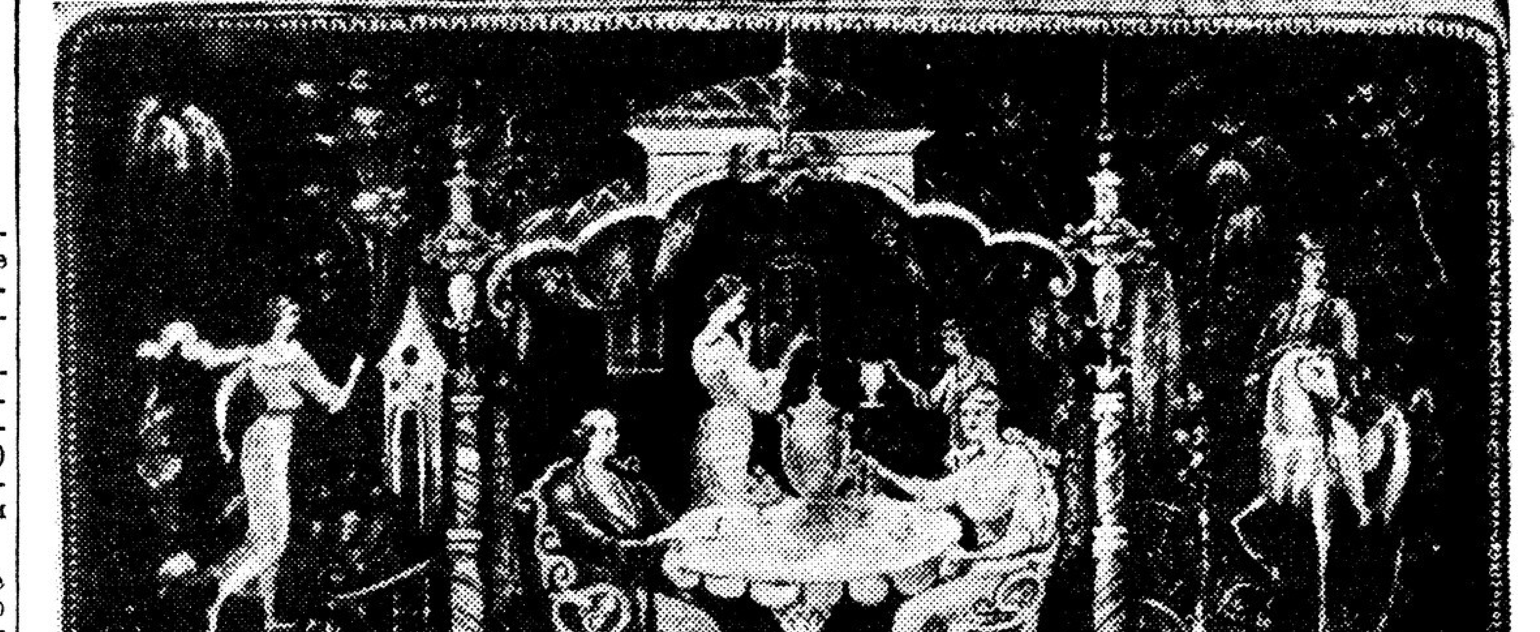
Всесоюзный Пушкинский комитет получил сообщение о подготовке к пушкинским торжествам в станице Берды Оренбургской области, куда осенью 1833 года приезжал А. С. Пушкин собирать материал для своей «Истории Пугачева».

На том месте, где ранее стояла изба казачки Бунтовой, с которой Пушкин беседовал о Пугачеве, ныне построен дом колхозницы-казачки Клавдии Егоровны Козловой. Решено возбудить ходатайство об установлении мемориальной доски на этом доме.

В ознаменование 100-летия со дня смерти А. С. Пушкина на площади в с. Берды решено установить обелиск.

Организованный в станице драматический кружок готовит к юбилейным дням постановку отрывков из оперы «Борис Годунов».

Создан народный хор, преимущественно из пожилых казаков и казачек.

«Евгений Онегин», композиция С. Д. Солонине. Воспроизведено в книге Г. Жидкова «Пушкин в искусстве Палеха», выпущенной Изогизом.

Ил. ФЕЙНБЕРГ

Джон Теннер

1.

Летом 1836 года Пушкин писал: «В Нью-Йорке недавно изданы «Записки Джона Теннера», проведшего тридцать лет в пустынях Северной Америки, между дикими ее обитателями». Пушкин напечатал в «Современнике» большую статью «Джон Теннер». Она долго не привлекала серьезного внимания. Полностью значение «Теннера» не оценено до сих пор. У Анненкова в «Материалах» для биографии Пушкина можно прочесть, как Пушкин, работая над этой статьей на Каменноостровской даче, в воскресенье, сказал полушутливо, полугрустно, встречая приятеля: «Плохое наше ремесло, братец. Для всякого человека есть праздник, а для журналиста—никогда». «Занимательную» статью о Теннере еще не так давно приводили в доказательство разносторонности интересов Пушкина и определяли как полуэтнографические заметки. Ее считали побочной для основных интересов Пушкина работой профессионала-журналиста.

2.

«Два века ссорить не хочу» — писал Пушкин в «Онегине». (Там спор шел о стихотворных жанрах). В статье «Джон Теннер» Пушкин ссорит девятнадцатый век с восемнадцатым.

«С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей наиболее мыслящих», — писал Пушкин в этой статье, — «и их наблюдения **возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решенными.** Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую подавлено неумолимым эгоизмом и страстью к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы... такова картина Американских штатов, недавно выставленная перед нами».

«Отношения Штатов к индийским племенам, древним владельцам земли, ныне заселенной европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новых наблюдателей. Явная несправедливость, ябеда и бесчеловечие Американского Конгресса осуждены с негодованием; так или иначе, чрез меч и огонь, или от рома и ябеды, или средствами более нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближении цивилизации. Таков неизбежный закон. Остатки древних обитателей Америки скоро совершенно истребятся; и пространные степи, необозримые реки, на которых сетьми и стрелами добывали они себе пищу, обратятся в обработанные поля, усеянные деревнями, и в торговые гавани, где задымятся пироскафы и разовьется флаг американский».

«Нравы Северо-Американских дикарей знакомы нам по описанию знаменитых романистов. Но Шатобриан и Купер оба представили нам индийцев с их поэтической стороны и закрасили истину красками своего воображения. «Дикари, выставленные в романах» — пишет Вашингтон-Ирвинг, — «так же похожи на настоящих дикарей, как идиллические пастухи на пастухов обыкновенных».

«...«Записки» Теннера представляют живую и грустную картину. В них есть какое-то однообразие, какая-то сонная бессвязность и отсутствие мысли, дающие некоторое понятие о жизни американских дикарей. Это длинная повесть о застреленных зверях, о метелях, о голодных, дальних шествиях, об охотниках, замерзших на пути, о скотских оргиях, о ссорах, о вражде, о жизни бедной и трудной, о нуждах, непонятных для чад образованности»... «—Летописи племен безграмотных, они разливают истинный свет на то, что некоторые философы называют естественным состоянием человека»...

Настоящая жизнь дикарей, засвидетельствованная в воспоминаниях Джона Теннера, оказалась в противоречии с философией XVIII века, каждая строка записок Теннера опровергает софизмы Руссо,— говорит в своем предисловии Эдвин Джемс, записавший под диктовку воспоминания неграмотного Теннера.

Смысл статьи «Джон Теннер», однако, не только в том, что Теннер оказался для Пушкина любопытным свидетелем в споре с XVIII веком о «естественном состоянии». Критика буржуазной демократии[1], на которую обращают внимание в статье Пушкина в наши дни, важнее. Но и она является только другой (хотя и более важной) стороной вопроса о смысле статьи, не решая его целиком.

Пушкин—гений, вырывавшийся за пределы своего века (эти слова Пушкина о Петре больше подходят к Пушкину, чем к Петру). Он отверг в «Теннере» буржуазную демократию, видя не только ее бесчеловечную основу, но и понимая мнимость буржуазной свободы личности. Но нельзя забывать, что Пушкин — свой собственный (не только наш) современник, хотя и опередивший других. В этом смысле статью о Джоне Теннере можно назвать послесловием Пушкина к идейной истории его сверстника.

В молодости Пушкин мечтал о просвещенной свободе для своего отечества. XVIII век — век просвещения. Пушкин был воспитан идеологией просветителей XVIII века, предшественников американской и французской революций. «Уложение», конституция Соединенных Штатов и в «Джоне Теннере» для Пушкина — «плод новейшего просвещения». Кое-кто из декабристов, единомышленников молодого Пушкина, мечтал установить в России конституцию наподобие американской. Идеологи буржуазной революции думали, что революция принесет свободу, равенство и братство всему человечеству. Так думал и молодой Пушкин. И вот, как бы говорит на последнем году своей жизни Пушкин в «Джоне Теннере», — смотрите, как осуществляется этот идеал. Эта демократия (капиталистическая, буржуазная демократия, — на нашем языке) несет взамен одной системы угнетения человечества другую: опять тиранство, цинизм, жестокие предрассудки, которыми подавлено все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую!

Не только поражения буржуазной революции, но и ее победы заставили Пушкина возбудить снова «вопросы, которые полагали давно уже решенными». В байронизме его южных поэм, еще до постановки им этих вопросов на новой основе, уже проявился этот кризис.

3.

В байронических поэмах Пушкина было еще немало руссоизма. Первой мечтой лучших современников молодого Пушкина была американская конституция, другой мечтой — пусть реализуемой Пушкиным только в поэзии — было: «уйти к диким». Будем помнить об этом, читая «Джона Теннера».

Однажды,— пишет Пушкин, начиная изложение «Записок» Теннера,— отец больно высек Джона. «С той поры отеческий дом опостылел маленькому Теннеру; он часто думал и говаривал: «Мне бы хотелось уйти к диким!»...

«В 1820 году,— писал Пушкин о себе в черновом наброске письма к Александру I,— разнесся слух, будто я был отвезен в канцелярию и высечен. Слух был общим и до меня дошел до последнего. Я увидал себя опозоренным перед светом... На меня нашло отчаяние...» В те времена Пушкин в поэзии уходил «к диким».

Мечты маленького Теннера осуществились. Дикие, индейцы его похитили. «Кавказский пленник» стал пленником, когда «дикие» похитили его. (Пушкин, не отождествляя, сближал себя с «Пленником»). Алеко сам ушел к «диким», цыганам, стремясь к тому, «что некоторые философы называют естественным состоянием человека» («Джон Теннер»).

Кроме известных стихов Алеко о городской цивилизации:

Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей,

в «Цыганах» были еще стихи:

Торгуют вольностью, развратом
И кровью бледной нищеты.

В рукописях этой поэмы, которую Пушкин считал неокончательно отделанной, сохранился не включенный в печатный текст монолог Алеко, обращенный к сыну:

Прими привет сердечный мой,
Дитя любви, дитя природы,
И с даром жизни дорогой
Неоцененный дар свободы,
Останься посреди степей...
...Под сенью мирного забвенья
Пускай цыгана бедный внук
Сокрыт от неги просвещенья,
От пышной суеты наук...
От общества, быть может, я
Отъемлю ныне гражданина.
Что нужды — я спасаю сына
И я б желал, чтоб мать моя
Меня родила в чаще леса,
Или под юртой остяка,
В глухой расселине утеса.

«Муж, со вздохом или с улыбкою, отвергает мечты, волновавшие юношу». Эти слова из статьи Пушкина о Радищеве (написанной в том же 1836 году), где Пушкин тоже спорит с XVIII веком в самом себе, помогают нам понять «Джона Теннера». «Джон Теннер» — вариант судьбы не только самого Алеко, но и его младенца. Оказывается, дело не только в том, что Алеко неспособен жить в «естественном состоянии», «и всюду страсти роковые» (эпилог «Цыган»). В статье о Теннере сказано то, что в эпилоге к «Цыганам». В жизни дикарей главной оказывается борьба за существование, «нужды», «отсутствие мысли», «вражда», «скотские оргии»; «естественное состояние» — это животная жизнь[2].

У Вольтера есть дидактическая повесть «Дитя природы». Европеец, в младенчестве попавший в плен к индейцам, воспитан ими и взрослым возвращается на родину, как Теннер. Вольтерово «дитя природы» — это явившийся из американских лесов идеальный человек буржуазного будущего.

У Шатобриана Рене после блуждания в американских лесах слышит сентенцию: «Ты должен отказаться от этой необыкновенной жизни, исполненной одной тоски. Счастье только на обыкновенных путях».

Мы знаем, эти слова Шатобриана Пушкин повторил, размышляя о своей судьбе: «Счастье только на обыкновенных путях».

«Дикость должна исчезнуть при приближении цивилизации, — пишет Пушкин, — таков неизбежный закон». Это — осознанная Пушкиным историческая необходимость. Но вспомним, как говорит Пушкин о возвращении Джона Теннера от «естественной» дикости к «цивилизации», и об ее «обыкновенных путях».

«Ныне Джон Теннер живет между образованными своими соотечественниками»... (Образованными!..)

«Он в тяжбе со своей мачехою о нескольких неграх, оставленных ему по наследству». (Тяжба с родными о рабах!..)

«Он очень выгодно продал свои любопытные записки» («как мы», может быть, думал Пушкин и о себе, вспоминая свои крепостные тяжбы с родней и «журнальную торговлю»...) «и на-днях будет вероятно членом Общества Воздержности»[3].

«Словом, есть надежда, что Теннер современем сделается настоящим Jankee[4] (янки), с чем и поздравляем его от искреннего сердца».

Горькая ирония!..

«Джон Теннер» — не экскурс Пушкина-журналиста. Это — глубоко продуманная вещь.

Для Пушкина не оказалось счастья на «обыкновенных путях» в предистории человечества: ни в иллюзиях о ее первобытной ступени («в том, что некоторые философы называют естественным состоянием человека»), ни на ее последнем (буржуазном) этапе.

Выход был в будущее, на путях от предистории человечества к его подлинной истории.

[1] Нельзя забывать, конечно, что Пушкин в этой критике присоединяется к Токвилю, называя его книгу «О демократии в Америке» и популяризуя ее в статье «Джон Теннер». Но в поисках материала для критики капиталистической цивилизации Пушкину не было необходимости путешествовать за океан вслед за Токвилем. Пушкинский «Разговор с англичанином» доказывает это.

[2] И в то время, когда Пушкин писал «Цыган», он не отождествлял действительную жизнь цыган с ее изображением в поэме. Но, видя действительность, в то время он идеализировал ее в поэме. А в «Джоне Теннере» Пушкин реалистически противопоставляет действительность идеализации «естественного состояния».

[3] «Общество, коего цель — истребление пьянства Члены обязываются не употреблять и не покупать никаких крепких напитков. Издатель. (Примечание Пушкина).

[4] «Прозвище, данное американцам; смысл его нам неизвестен. Издатель. (Примечание Пушкина).

А. ЭРЛИХ

Литература в газете

Гражданская лирика, поэтически выраженная публицистика считаются второразрядными и малопочтенными явлениями литературы. Таков молчаливый уговор критики.

Правда, существует глубокое различие в оценке произведений, возникших из-под пера уже скончавшихся авторов и творимых еще живыми и здравствующими поэтами. Живые вправе завидовать мертвым. Критика с похвальным усердием содействует популярности гражданской поэзии прошлого.

Но многие стихи Ник. Асеева, Мих. Голодного, А. Суркова, А. Безыменского, Виктора Гусева, подсказанные текущими политическими событиями и опубликованные в газетах, считаются как бы несуществующими и ненаписанными до тех печальных и, надеемся, далеких времен, когда авторы их отойдут в мир мертвых и всесторонне признанных.

Так или не так рассуждает критика—судить с полной уверенностью трудно, но приходится отметить: стихов в газете публикуется много, а посвященных им критических выступлений не было ни единого в продолжение долгих-долгих лет. Как будто стихи эти не голос сердца, не страстная потребность, одинаково ощутимая и авторами и миллионами читателей, а скучная ремесленная поделка, случайный и унылый отхожий промысел.

— Давненько что-то вас не слыхать,—встретил маститый критик талантливого поэта,—кризис переживаете, а?

В укоризненном и сладеньком тоне реплики, в сочувственном выражении глаз и бородки, в суетливости и мягкости жестов почтенного критика было столько радушия, искренности, даже нежности. Но с поэтом вдруг случилось нечто необ'яснимое. В короткий миг щеки его явили всю гамму возможных красок—от пылающих до землистых. Он выхватил газету из кармана и, потрясая ею и задыхаясь, пытался что-то сказать.

— Милый мой, да что же такое? Что случилось?—вопрошал изумленный критик.

И когда поэт, овладев собой, с негодованием, силой и гордостью заговорил не о кризисе, а о расцвете своего творчества, о тысячах новых стихов, в каждом из которых шумит жизнь, критик воскликнул:

— Да ну! Поздравляю!.. Что же вы не печатаете? Почему вы их прячете?

— Как не печатаю! Очень часто печатаю... Вот здесь печатаю! — и он показал своему собеседнику одну из лучших газет страны со своим последним произведением.

— Ах, вот это?—критик посмотрел разочарованным и скучающим взглядом на строки стихов, как будто это были безвкусные украшения из типографских знаков, наивные виньеточки, сотворенные фантазией провинциального метранпажа, чтобы сгладить серость газетной полосы.— Я, голубчик, о другом спрашиваю. Большая ваша, столбовая дорога меня интересует, а это...

«Это», по его мнению, не работа, а легкий заработок на отхожем промысле. «Это»—почтенный наш критик, не замечает, не читает, не знает и знать не хочет. «Это» — свидетельство упадка, кризиса, лени, легкомыслия, глубокой летаргии чувств и мыслей поэта, доказательство чуть ли не полной и постыдной его бездеятельности.

Не раз уже приходилось выслушивать горькие сетования поэтов и писателей, работающих, главным образом, в газете, на незаслуженное пренебрежение к их труду.

В самом деле, издательства выбиваются из сил в поисках отменных художественных произведений. Посредственные повестушки сомнительных авторов они охотно выпускают многократными повторными изданиями. Никаких возражений с их стороны не вызывают, как известно, развязные сборники мэтров стиха, составленные из бредовых звукосочетаний и лабораторных, часто альбомных, упражнений в ритмике.

В оправдание издатели и редакторы любят ссылаться на некий «кризис» творчества, на недостаток свежих и полноценных рукописей.

Но очень неохотно они выпускают избранные стихи гражданской лирики. Даже поэты большой, заслуженной репутации с трудом проводят сквозь заграждения из издательских предрассудков и вредоносных вкусов эстетствующих редакторов книжки, составленные из лучших публицистических стихов.

Точно такое же положение и с прозой.

Алексей Колосов, автор многочисленных и высококачественных очерков и новелл из колхозной жизни, робко путешествовал по всем издательствам. Он побывал всюду. Он носил с собой папку произведений, с великой любовью и тщанием подобранных за полтора десятка лет творчества. Здесь было только избранное, только самое яркое, живое и бесспорное.

Ему отказали всюду. Очерки! Из газеты?.. Вот, если бы какая-нибудь «Нафта», или «Беруны» или «Этландия», или мало ли что еще!..

Алексея Колосова знает и любит советский читатель—независимо от пренебрежения издателей и вопреки равнодушию критики, лишенной любопытства настолько, что 15-летней, полноценной, художественной практики в самых видных газетах страны оказалось совсем недостаточно, чтобы расшевелить ее хотя бы для маленького, хотя бы для сдержанного выступления.

Малодушные отступают. Неспособные противостоять толстошкурой косности уходят из газеты. Они сознательно отказываются от аудитории, которую нельзя получить ни в одном журнале. Борис Агапов, думается нам, принадлежит именно к этого рода писателям. Его стихия—газетные колонки, но он дезертировал с газетного поля.

Не мало уже лет прошло—читатель не видит больше его замечательных очерков, так красноречиво раскрывавших внутреннюю сущность и особенность советской техники. Он поверил, видимо, бездумным, родственным попугайному скрипу восклицаниям о второсортности газетного творчества, о неизбежной безвестности газетных авторов, об эфемерности их связи с читателем.

Мы знаем еще одного автора, рожденного газетой и появляющегося в ежедневной печати редко. Но автор этот, К. Паустовский, выпускает книгу за книгой почти ежегодно. Его «Кара-Бугаз», его «Черное море», его «Колхида»—это расширенные очерки, вышедшие из берегов газеты и охватываемые уже переплетом большой книги. Паустовский не изменил своей природе и не смалодушествовал перед клеветой. Просто—он об'емно не помещается в газете. А Борис Агапов — боимся мы — от былого творчества все глубже уходит в ремесленную трясину, он давно уже не пишет больше очерков.

Такие гиганты литературы, как Мопассан и Бальзак во Франции, как Чехов и Горький в России, публиковали лучшие свои произведения в газетах. Никогда и нигде ежедневная пресса не имела такого распространения и такого авторитета, как у нас. Автор общается со страниц газеты с миллионами читателей. Учтет ли это, наконец, критика, чтобы внимательно и любовно следить за ответственнейшей практикой советских писателей и поэтов в газете?

Троцкистский мародер

«Плюгавый выползок...»
Пушкин.

Главный агент Троцкого в США, он же присяжный переводчик «трудов» своего фюрера, Макс Истмен — автор бездарного английского перевода «Гавриилиады» (издан в Нью-Йорке в 1929 г.). Сам по себе этот факт не заслуживал бы упоминания (мало ли буржуазных халтурщиков подвизается на литературном поприще!), если бы не удивительно развязное предисловие, которое троцкистский бумагомаратель предпослал своему переводу.

Начинает Истмен предисловие с весьма лестной оценки... своего же собственного перевода. И дух у него в переводе пушкинский, и мысли пушкинские, и чувства пушкинские, и образы пушкинские, и ритм пушкинский, а ежели подгуляли рифмы («Гавриилиада» поэма рифмованная, а Истмен рифмует через пень-колоду), так для переводчиков больших рифмованных поэм рифмы, оказывается, вовсе не обязательны (!), за исключением тех, которые составляют неот'емлемую часть «духа» оригинала (?!). Поэтому он и ограничился этими рифмами плюс те, которые «стихийно его посетили» (!!!).

Вся эта чушь, возрождающая давно забытые времена литературного мародерства в художественном переводе, заканчивается наглой выходкой по адресу Пушкина.

Единственная «вольность», продолжает Истмен, которую он себе позволил, — это из'ятие первых двадцати строк поэмы. Оказывается, его эти строки не заинтересовали, мало того, он нашел их «неуклюжими» (clumsy) и «к теме не относящимися» (irrelevant). Короче говоря, даже Пушкин не всегда достоин гениального пера поднаторевшего на переводе фюреровских «трудов» троцкистского литературного «мэтра».

Наглость, развязность и бандитский нахрап, как известно, — главные моральные качества троцкистских пигмеев. Выходка Истмена — блестящее тому доказательство.

К. Н.

Л. КОН

Юмор в детской литературе

В порядке обсуждения *)

1

Еще не далеко отошло то время, когда юмор был совершенно изгнан из детской литературы.

Подозрительный взгляд педагога устремлялся на всякую книжку, которая вызывала у ребят смех или хотя бы улыбку. Начинался тщательный анализ «качества смеха», и это «качество» всегда оказывалось недостаточно высоким.

«Не наш» смех вызывался у ребят не только «Приключениями Мюнхгаузена» и Марк Твэна, но даже сказками Чуковского.

«Нашего» смеха не существовало.

Это было тяжелое время, но оно миновало. Сейчас ребята имеют целый ряд хороших веселых книг. Здесь и «Приключения Мюнхгаузена», и «Веселое купанье» Буша, «Три поросенка» Диснея, и «Приключения Буратино» Алексея Толстого.

Наши ребята весело хохочут, читая эти книги, и радостно слышать этот веселый ребячий смех.

Широко распространено мнение, что детям доступен лишь юмор низшего порядка: нарушенные пропорции человеческого лица и фигуры (всевозможные длинные носы, круглые животы и т. п.), внешний комизм положения (ссоры, падения, разбитые предметы и т. п.), комизм нелепости (переряженные животные).

Это глубоко неверно. Даже маленькие дети ищут в юморе элементы сатиры на явления, вызывающие их порицание, и на людей, внушающих им антипатию. Такого рода юмористику дети любят. Любят они и веселую шутку и остроумный анекдот.

Об отсутствии у детей любви к юмористике нельзя судить по их отношению к юмористическим произведениям для взрослых, где сатира зачастую направлена на явления, мало знакомые детям или мало интересующие их. Нельзя судить об этом и по их отношению к той специально изготовленной для детей юмористической стряпне, которой пытаются пополнить недостаток юмористики, например, детиздатовские «веселые» листки: блаженной памяти «Ванька-Встанька» и новорожденный «Сверчок». Дети прочтут эти листки с таким же равнодушием, как и взрослые. Если автор не смеялся, работая над своим произведением, то и читатель не засмеется, хотя бы этим читателем был самый маленький ребенок.

Дети любят юмористику, но настоящую, талантливую, остроумную, дающую пищу уму и воображению.

Но, конечно, юмор в литературе не может быть выделен в совершенно отдельную отрасль — юмористику. Есть книги, насквозь пронизанные юмором, которые все же нельзя назвать юмористикой: те же книги Марка Твэна, о которых говорит т. Пантелеев, некоторые рассказы Чехова, произведения Диккенса и т. п.

Есть книги, в которых юмористические моменты вкраплены в очень далеком по существу от юмора произведении, точно так же, как в действительности комические эпизоды часто вплетаются в совсем не веселую жизненную ситуацию.

Имеет ли юмор право на существование в героической книжке, более того, в произведении о героических подвигах?

Конечно, имеет. Лучшим доказательством этому является написанный самим же тов. Пантелеевым «Пакет», где бывший партизан в юмористическом шутливом тоне рассказывает о своем подвиге. Элементы юмора встречаются и в лучших из наших детских книг о гражданской войне — «Школе» Гайдара, много юмора и в прекрасной книжке для детей о 1905 годе «Белеет парус одинокий» Катаева.

Но можно ли на основании всего этого делать юмор неот'емлемым элементом всякой детской книги, непременным условием существования книги как детской? Тов. Пантелеев говорит: «Книга без юмора может существовать и именоваться книгой, но книгой для детей она не будет». Это по меньшей мере необдуманное заявление. Неужели тов. Пантелеев не знает, какой любовью детей пользуются такие произведения, как «Детство» Горького, «Железный поток» Серафимовича, «Как закалялась сталь» Островского, «Метелица» Фадеева. А много ли в этих книгах юмора?

2

Тезис тов. Пантелеева о необходимости юмора во всякой детской книге, о неотделимости героики от юмора, о непременности в детской литературе такого героя, о котором нельзя говорить «весело, шутливо, с юмором», как мы видим, легко опровергается фактами, и на нем по существу не стоило бы подробно останавливаться, если бы он не был столь симптоматичен для все более намечающегося в последнее время в детской литературе определенного течения. Это течение стремится представить детям всю жизнь как веселую шутку, как анекдот.

К чему приводит эта тенденция, будучи последовательно доведена до конца, показывает рассказ Л. Кассиля «Трехглавая судьба», напечатанный в журнале «Молодая гвардия» № 2 за 1936 г. В своем рассказе Кассиль ухитрился весело, шутливо, «с юмором» рассказать о фашистском застенке.

Требование писать для детей «весело, шутливо, с юмором» — законное требование. Но когда оно превращается в непременное условие для всякой детской книжки, независимо от ее тематики и содержания, когда смех навязывается в виде принудительного ассортимента и писателю и читателю, это требование становится опасным.

Нельзя в угоду пресловутой «детскости» умышленно показывать в детской литературе действительность, мы не думаем, чтобы тов. Пантелеев представлял себе жизнь в виде этакой забавной, веселой шутки, о которой нельзя говорить без смеха.

Отстаивая необходимость смеха просто как «свойственной всякому здоровому человеку потребности», тов. Пантелеев заявляет: «Не своевременно ли нам подумать об этом сейчас, когда на планете нашей весна, когда человечество молодо, хочет жить, петь и смеяться».

Мы не сомневаемся в том, что тов. Пантелеев подразумевает под «нашей планетой» ее шестую часть, занимаемую нашей страной, и под «человечеством» — население этой страны. Однако, трудно понять, почему, собственно, тов. Пантелеев так стремится при помощи литературы воспитать в наших детях беззаботное отношение к жизни, подобное отношению трех поросят, которым «не страшен серый волк».

Наши дети должны уметь не только смеяться, они должны уметь ненавидеть наших врагов, любить друзей, скорбеть и преклоняться. Этих чувств не воспитаешь одними теми веселыми шутливыми книжками, о которых мечтает тов. Пантелеев.

Книжку о Павлике Морозове нельзя писать «весело, шутливо, с юмором», и если книга «Пионер Павел Морозов» не совсем удалась А. Яковлеву, то отнюдь не потому, что в ней Павлике мало смешного, а потому, что в нем мало жизни.

Это две вещи разные, а тов. Пантелеев путает их. Он не только делает юмор неот'емлемым условием реализма, но просто подменяет реализм юмором. «Юмор,—пишет он,—предполагает в предмете или человеке, против которого он направлен, какую-то погрешность, какое-то несовершенство. Несовершенство же, как мы знаем, извечное свойство человеческой природы. Юмор придает человеку человечность. Без юмора невозможно полное завершение образа».

3

У нас почему-то повелось мириться с тем, что положительные черты и поступки героя выписываются часто по шаблону, лишь бы этот шаблон был одобрен парочкой недостатков и промахов, лишь бы автор добавлял к свойствам героя соответствующий ассортимент «человеческих слабостей», «доказывающих», что «это настоящий, живой человек, ему не чуждо ничто человеческое».

Тов. Пантелеев, очевидно, согласен с таким подходом и лишь требует, чтобы ассортимент «человеческих слабостей» был подан в юмористическом соусе.

Юмор — вот по его мнению чудесная панацея от всех зол для детской литературы.

«Не надо же бояться смеха», — восклицает тов. Пантелеев.

Смеха бояться действительно не надо, но то, что проповедует тов. Пантелеев, очень страшно. Проповедуемое им безраздельное господство юмора в детской литературе обедняет ее не меньше, чем запрет юмора.

Как то, так и другое лишает детскую литературу многогранности, глубины, разнообразия, делает для нее запретными широкие области жизни, превращает ее в кривое зеркало действительности.

*) См. статью Л. Пантелеева «Юмор и героика в детской книге», «Лит. газ.» № 1 от 5 января 1937 г.

В. И. Суриков «Бой быков» (Испания)

М. СЕРЕБРЯНСКИЙ

Исторический роман

1

Без всякого преувеличения можно сказать, что исторические романы начинают в советской литературе занимать очень крупное место и что работа писателей над историческими темами становится все более важной и значительной в общем развитии советской литературы. Лишь за последние полгода было напечатано в журналах или отдельными книгами больше десяти произведений.

Но многие из этих книг на исторические темы, за некоторым исключением, дают достаточно доказательств того, что далеко не все благополучно в этом жанре советской литературы. Грубейшие политические ошибки «Богатырей» Д. Бедного — не единичный случай, они сигнализируют о той путанице, заблуждениях и искажениях исторического прошлого, которые отмечены в постановлении Комитета по делам искусств и о которых еще больше двух лет назад было сказано в известных указаниях тт. Сталина, Кирова и Жданова по поводу учебников по новой истории и истории СССР, в указаниях, являющихся основополагающими для марксистской исторической науки и литературы.

Два момента должны быть главными в критике исторических романов —историческая **правдивость** в изображении прошлого и **художественность** выполнения. Как и вообще в искусстве, и в историческом романе эти стороны неотделимы одна от другой. Хороший исторический роман, прежде всего, факт **художественной литературы,** а не истории, но отсюда не следует, что со второй можно обращаться как угодно или удобно писателю. С другой стороны, художественное чувствование истории, т. е. умение выбрать исторически и художественно благодарную тему, играет огромную роль.

В рамках газетной статьи нет возможности подробно остановиться на каждой из вышедших за последние месяцы книг. Мы остановимся только на двух произведениях этой группы — «Диком камне» Зин. Давыдова («Красная новь» № 10) и «Изумленном капитане» Леонтия Раковского («Звезда» №№ 2 — 10 1936 г.).

«Дикий камень»—вещь очень слабая, в корне ошибочная и художественно и исторически. Основной порок романа Зин. Давыдова в том, что Лже-Дмитрий показан не как авантюрист и проходимец, он выведен на страницах романа как друг и руководитель восстания крестьянских масс. В романе много сцен и эпизодов, рисующих авантюриста Лже-Дмитрия человеком весьма демократическим, чутким к народным скорбям и настроениям (вспомним сцену на улице, когда Дмитрий запросто помогает кожемякам, и т. д.). Но в романе не видно того, что вся история краткого царствования первого самозванца была чистейшей авантюрой и жесточайшим обманом народных масс. Автор исказил картину исторического прошлого и в том отношении, что польские войска и шляхетство, пришедшие с первым самозванцем, изображены не как грабители и насильники, а даны в качестве людей, приносящих свет культуры в дикую Московию и пытающихся сдвинуть с места Московскую Русь — «дикой камень».

Можно допустить, что другой герой романа, один из первых русских западников, «латынщик» князь Иван Хворостинин, личность действительно незаурядная, ошибался относительно персоны и замыслов самозванца, но автору **советского** исторического романа следовало бы показать, в соответствии с историей, не «демократа на троне», а проходимца, старавшегося использовать народную массу в реакционных целях и в союзе с польской шляхтой.

В романе Зин. Давыдова самозванец выведен как положительный, прогрессивный исторический герой, полный великих замыслов о преобразовании Руси. Самозванец Давыдова своими рассуждениями о европейских реформах часто напоминает Петра Первого, и эти страницы романа особенно фальшивы и неправдоподобны. Словом, в этом романе все противоречит истории, все противоположно тем указаниям, которые сделаны в известных замечаниях тт. Сталина, Кирова и Жданова.

Роман слаб и в художественном отношении. Мастерством психологического рисунка автор владеет в малой степени. Психология действующих лиц и в первую очередь князя Ивана Хворостинина описана очень схематично и во многих случаях просто бесцветно. Особенно плох роман **стилистически.** Язык «Дикого камня» на редкость тяжелый, неуклюжий. Стремясь воспроизвести русскую речь XVII века, автор создал неудачную, вымученную стилизацию. В этом отношении язык «Изумленного капитана» Л. Раковского выгодно отличается от языка «Дикого камня».

Странная вещь, но эту ошибку упорно совершают многие исторические романисты, которым автора «Петра Первого» надо поставить в пример. А. Толстой совершенно справедливо держится иного принципа. Речевые особенности рисуемой им эпохи он использует только в той мере, в какой это необходимо для правдивости образов. (Об этом же принципе говорил и А. М. Горький авторам романов о деревне). Во всем же остальном Толстой верен себе, т. е. пишет тем же современным русским языком, каким написаны его другие (не на исторические темы) произведения. Он поступает правильно именно потому, что более богатыми **современными** словесными средствами можно гораздо точнее и лучше описать прошлое, чем бесплодно пытаясь восстановить это прошлое такой стилизацией, которая только затрудняет чтение романа и портит впечатление от него.

Автор «Дикого камня», очевидно, считает, что путь к исторической правдивости — стилизация. Это — ошибочное мнение. «Дикий камень» трудно читается еще и потому, что некоторые герои его говорят на каком-то смешанном русско-польско-латинском языке (отчасти Иван Хворостинин, затем царь Димитрий, патер Андржей, Феликс Заболоцкий); ломанным русским языком,—что также не обязательно, — говорит рыцарь-кабатчик Косс фон Дален; и вся **эта стилистическая мешанина** совсем не способствует «украшению» романа. Другая беда заключается еще и в том, что даже там, где автор говорит от себя, он повествует почему-то языком своих действующих лиц. Отсюда идет неубедительная фразеологическая выдумка, неудачное словотворчество, например: лошадеха, дороговь (т. е. дороговизна), домовь (т. е. домой; почему домовь — совершенно непонятно), собацкий люд (т. е. собачий). Есть архаизмы и другого типа — ланиты, лепоовитые скакуны, фиал гнева, огнепальчивый —слова и понятия совсем из другого века и другой среды.

Можно привести немало примеров простой неряшливости стиля, недопустимого в художественном произведении невнимания к слову. Вот словесный состав одного описания:

«Ночь уже совсем приступила. Она быстро шла к **опустевшим** крестцам и улицам, к **расторговавшимся** торжкам и рынкам, **к угомонившимся** наконец, колокольницам, **принимавшимся** по всякому поводу **переблямкиваться** в хрипловатые свои била. **Изнемогшее** за долгий летний день небо отдыхало там вверху в синеве и прохладе, выпустив из какого-то своего закута первую стайку **перемигивающихся** звезд».

Или другой пример: «Царевичева рать шла теперь открытой путиной, **привитаемая** (?) колокольным звоном, **предводимая** даже и годуновскими воеводами, **передавшимися** на Димитриеву сторону, **добившими** царевичу челом» (или «бившими»? — **М. С.**).

Ощущение от этих строк такое (а подобных им не мало), что автор, попадая в колею одной какой-то глагольной формы речи, не может уже из нее освободиться. Этим об'ясняется бедность словаря, его стилистическое однообразие, отяжеляющее роман.

Зиновий Давыдов — автор и другого, более удачного, романа «Беруны» — молодой и не лишенный дарования писатель. Но с темой своего второго романа он не справился. «Дикий камень» ошибочен исторически и неудачен художественно.

2

Исторический роман «Изумленный капитан» Л. Раковского — произведение в некоторых отношениях противоположное «Дикому камню» З. Давыдова. «Изумленный капитан», правда, не отличается значительными художественными достоинствами, но он написан глаже, чище по языку, читается легче «Дикого камня». Л. Раковский, в отличие от Зин. Давыдова, не гонится за тем, чтобы в точности передать, т. е. стилизовать язык эпохи и заставлять читателя мучительно продираться сквозь непроходимые стилистические дебри, каких много в «Диком камне». Л. Раковский пишет своим языком и лишь в меру необходимости использует язык документов начала XVIII века. И хотя авторская речь ничем не отличается от обычного, т. е. так называемого среднего литературного языка, каким написано много произведений, это все же лучше в сравнении с трудным и смешанным языком «Дикого камня».

Но «Изумленный капитан» характеризуется другим и очень крупным недостатком — крайне неудачным выбором **исторического героя.** Только слабо развитым художественным и историческим чутьем писателя можно об'яснить, что в центре романа поставлен капитан Возницын, и не менее удивительно, что выбор такого героя оправдывает и защищает критик И. Эвентов (см. «Лит. Ленинград» от 1 января с. г.).

Основное содержание романа заключается в том, что влюбленный в крепостную графа Шереметьева неизвестного происхождения девицу Софью капитан Александр Возницын хочет уйти из армии, бросить военную службу, жениться на Софье и зажить своим домком. Вот в чем собственно заключается жизненный **идеал** героя и основная коллизия «Изумленного капитана». Шестнадцать лет тянется эта, надо сказать, скучная и неудачная любовь. Софья все эти годы остается крепостной, Возницын придумывает десятки способов уйти из армии. Хлопоты и просьбы не помогают; тогда Возницын придумывает отрубить себе палец. Но сделать этого не пришлось. Не хотелось уродовать себя и с другой стороны — «указы строго карали за умышленное членовредительство» («Звезда», кн. VIII, стр. 74).

Тогда Возницын изобретает новый способ и разыгрывает роль безумного, т. е. **«изумленного».** Из этого тоже ничего не получается. Оклеветанный нелюбимой женой и обвиненный в переходе в иудейство (чего на самом деле не было), Возницын приговорен к сожжению и гибнет. Но несмотря на этот трагический финал «Изумленного капитана», ни его судьба, ни его характер и мещанские идеалы не заслуживают того, чтобы сделать его главным героем революционного исторического романа.

Критик И. Эвентов в своей статье «Уважение к прошлому» пишет, что «пафос Возницына, его долготерпение и воля заключаются в стремлении составить свое счастье с Софьей», что основная коллизия романа заключается в борьбе Возницына и Софьи за личную свободу; Возницына — за освобождение от службы во флоте, Софьи — от крепостной зависимости».

Смеем заверить читателя (и критика Эвентова), что такие понятия, как **пафос** и **борьба за личную свободу** совершенно здесь неуместны и излишни. Пафоса роман совершенно лишен, да и не может быть пафоса там, где действуют **обывательский идеал** и обывательская психология, и все дело именно в том, что герой «Изумленного капитана» — **чистейший обыватель** дворянского происхождения и положения.

Конечно, в желании Возницына выкупить свою возлюбленную есть безусловно и порядочность и даже известное благородство. Но тем не менее это ничего не меняет. Если бы Возницын влюбился не в крепостную (это произошло весьма случайно), а в дворянку, то вообще ничего не было бы. Любовь к Софье абсолютно ничего не изменяет в отношении капитана к крепостному праву и крепостному народу вообще. Он и не думает об этих вопросах, продолжая спокойно оставаться хоть и несколько благодушным, но **крепостником.** Даже Софья не думает об этом, а уж ей-то хорошо как будто известны страданья народа. Где же тут взяться пафосу, истинным страстям, борьбе за личную свободу в настоящем смысле этого слова и прочим прекрасным и действительно героическим вещам, смысла которых автор романа и его критик в данном случае абсолютно не почувствовали?

Возницын трагически погиб в результате нелепого обвинения и ряда интриг. Но смерть капитана только несчастный случай, именно случай, частное происшествие, и в рассказе о нем нельзя воспроизвести правдивую картину всей эпохи. Конечно, случай с капитаном трагичен при всей своей жестокой нелепости и случайности, но не в нем, а в народной жизни и борьбе той эпохи только и надо было искать материалы для романа и соответствующих действующих лиц. По существу история капитана могла бы войти только как **деталь,** как **эпизод** в настоящий революционный исторический роман. В книге Л. Раковского все планы смещены, и в герои возведен **дворянин-обыватель.** Что в этом может быть интересного для советской литературы — совершенно непонятно.

Критик И. Эвентов, автор статьи о книге Л. Раковского, сам чувствует, что с главным героем что-то не ладно и что «пафос» этого романа тоже не бог весть какой. Поэтому он и делает такую оговорку, что, мол, капитан «ограничен лишь заботой о собственной судьбе» (и то критическое достижение!), и что «образ Возницына **недостаточно осмыслен** (!?—**М. С.**) в свете той картины страданий русского народа, которая составляет содержание ряда эпизодов романа».

С этой замечательной формулировкой можно было бы согласиться, если бы ее уточнить, и к словам «составляет содержание» добавить отрицание «не», ибо страдания русского народа **не являются** содержанием наиболее ответственных эпизодов романа. Да, в романе есть несколько **эпизодов,** рисующих народную жизнь (например, в начале, где матрос волочит труп своего товарища), но существенной роли эти эпизоды не играют.

Рядом со статьей И. Эвентова напечатана редакционная статья. В ней сказано, что «наши исторические романисты должны начать работу над более глубоким разнообразным освоением тематики **«торжеств и бед народных»; «должно произойти расширение круга народных героев».** Слова правильные, ничего не скажешь. Зачем же рядом в статье И. Эвентова подведена «идеологическая **база»** под «героя»-обывателя, который не является подлинным историческим героем?

«В романе показан двор Анны Иоанновны», — восхищается критик Эвентов. Эти несколько эпизодов, рисующие двор императрицы, сделаны действительно не плохо, но они не снимают основного порока произведения и ничего в нем не изменяют.

Написан роман неровно. История любви Софьи и капитана рассказана тягуче и вяло, темпы романа убыстряются только к концу в связи с обвинением, возведенным на Возницына. Изображение психологии героев тоже не всегда убедительно, в образах ряда действующих лиц (того же капитана, Софьи, Галатьянова) немало схематических черт. Сюжет романа развертывается также не всегда удачно и не всегда в зависимости от характеров и поступков действующих лиц.

Случайность вообще играет в романе слишком большую роль. На случайности построены все встречи Софьи и Возницына, случай сталкивает Софью с Галатьяновым. Не очень ясны из романа и личности Софьи и Галатьянова. Кто Софья (полька, цыганка, еврейка?) — так и остается неясным. Галатьянов тоже очень случайная и мутная фигура. Оба они не совсем понятны читателю.

Леонтий Раковский — способный писатель. Он добросовестно работал над материалом, но, к сожалению, над таким материалом, который не представляет большого интереса для читателя и литературы. Ошибки Раковского и Давыдова весьма поучительны для наших исторических романистов. **Выбор исторического героя** — дело серьезное и ответственное, и следует понять, что главным об'ектом изображения должны стать такие исторические лица и такие события, через которые можно с наибольшей полнотой показать действительную картину определенной эпохи, ее борющиеся силы, народных героев и народные массы, действия и характеры людей, художественное описание которых может стать настоящим средством воспитания и образования читателей.

Н. БЫХОВСКИЙ

Могила Добролюбова

В ноябре 1861 года рядом с Белинским, в глухом отдаленном месте Волкова кладбища похоронен был Н. А. Добролюбов. В 1866 году неподалеку появилась новая могила безвременно умершего, даровитого Н. Д. Ножина, а еще через два года здесь же был похоронен также безвременно погибший Д. И. Писарев. Затем — другие писатели. Таким образом, заброшенная могила Белинского послужила началом русского Некрополя — литературных мостков Волкова кладбища.

4 сентября 1883 г. во Франции умер И. С. Тургенев. Умирая далеко от России, Тургенев завещал похоронить его рядом с другом его молодости, Белинским. Но рядом с Белинским похоронен был уже Добролюбов, а с другой стороны от могилы Белинского шла дорога. Тогда комиссия купила место для нескольких могил в так называемой «аристократической» части Волкова кладбища, чтобы похоронить здесь Тургенева, сюда же было решено перенести прах Белинского и Добролюбова. Об этом сообщено было во всех газетах.

В это дело вмешался М. А. Антонович. Кроме Чернышевского, томившегося еще в Вилюйске, Антонович и А. Н. Пыпин были тогда последними из оставшихся в живых товарищей Добролюбова по редакции «Современника», свидетелей разрыва между Тургеневым и группой писателей-разночинцев. Антонович свято чтил память Добролюбова и Чернышевского. Пыпин же, близкий родственник Чернышевского, принадлежавший в эпоху «Современника» тоже к революционно-демократической группе писателей, потом постепенно сблизился с дворянско-либеральной группой, сделавшись постоянным сотрудником, а затем и членом редакции либерально-буржуазного журнала «Вестник Европы», где Тургенев сотрудничал до последних дней своей жизни.

Антонович написал Пыпину нижеследующее страстное, негодующее письмо по поводу предположенного перепогребения Добролюбова:[1]

«Милостивый государь Александр Николаевич! Обращаюсь к Вам с настоящим письмом, как к человеку, которому память Добролюбова, вероятно, столь же дорога, как и мне, и который лично был близок к нему, может быть, даже ближе, чем я.

Скажите, Александр Николаевич, ужели Вас не возмущает чудовищная затея нескольких непризнанных господ, самозванных литературных старейшин, которые дерзают нарушить покой дорогого для нас праха и, под видом оказания ему любезности, оскорбить и унизить его!

Галантные люди делают Добролюбову честь, переводят гроб его из пятого разряда, из плебейской части кладбища, в аристократическую! Уж сама по себе эта мысль крайне дика. А тут еще, подумайте, эту честь праху Добролюбова собираются оказать не из-за него самого и не из-за заслуг того, чей этот прах, а из-за любезности к третьему, постороннему лицу и благодаря тому счастливому обстоятельству, что это лицо пожелало быть погребенным на Волковом кладбище, так что, не будь этого желания, могила Добролюбова вечно торчала бы где-то в заброшенном углу и без того уж неважного кладбища. И дело тут вовсе не в Тургеневе и не в его отношениях к Добролюбову.

Кто бы ни был на месте Тургенева, все равно; во всяком случае унизителен и оскорбителен перевод в высший класс кладбищенского тарифа и могильной таксы, сделанный в угоду и в уважение к третьему лицу. Представьте себе, что бы сказал на подобную светскую любезность сам Добролюбов и как отнесется к ней, хоть например Николай Гаврилович! (Чернышевский — Н. Б.). Вспомните стихотворение Добролюбова: «Пускай умру — печали мало!»... Он боялся, чтобы друзья после его смерти не сыграли с ним «обидные шутки» своим сочувствием, сожалением, слезами, цветами. Бедный, он не воображал, что над ним могут сыграть еще более обидную шутку, и не друзья, а недруги, или во всяком случае люди более или менее индиферентные к нему, что они перенесут его в чистую, дворянскую половину кладбища и положат его в приличном месте среди порядочных людей.

Подумайте, что почувствовали бы люди близкие к Вам, любящие и уважающие Вас, если бы когда-нибудь Ваше бренное тело из места его успокоения перевели бы в лучшее место только потому, что, хоть например, Стасюлевич[2] пожелал бы быть погребенным рядом с Вами. Что касается меня, то думаю, что сами мои кости вознегодовали бы и запротестовали против подобной любезности.

Во имя всего этого умоляю Вас, Александр Николаевич, заявить протест против перенесения праха Добролюбова в какие-нибудь лучшие места. Жаль, конечно, и Белинского, перенесенного на чистую половину; но пусть их переносят его; мы не имеем права протестовать против этого.

Что же касается Добролюбова, то пусть прах его вечно покоится в том месте, где его похоронили его **истинные** друзья-почитатели, пусть он лежит в той священной могиле, над коей плакал, которую благословил и у которой сказал своему другу последнее прости Николай Гаврилович, в той могиле, в которую мы с Вами, Александр Николаевич, опускали дорогой для нас гроб и бросали горсти земли, а вместе с нами и вся небольшая кучка друзей и почитателей покойника...

Вспомните эту картину и Вы сами почувствуете, как нам дорого именно это место, — если уже место значит что-нибудь, этот заброшенный, сырой, невзрачный угол кладбища. Мы должны гордиться этим местом, этими прекрасными литературными мостками. Здесь всего приличнее и почетнее покоиться нашему учителю и другу, а чистая, аристократическая половина ему не к лицу, как она была не к лицу ему при жизни; ему место не среди знатного богатства, а среди отверженной бедности. Словом, это пятиразрядное место дорого и священно для нас, и мы не променяем его ни на какие высшие разряды. И вдруг это место хотят отнять у нас по каким-то пошлым соображениям комильфотности! Если самые близкие друзья Добролюбова с горестью похоронили его на дешевом пятиразрядном месте, то смеет ли какой-нибудь самозванный литератор воображать, что он нашел для праха Добролюбова более приличное или почетное место!

Я бы и сам выступил с протестом, о котором прошу Вас, и мог бы напечатать что-нибудь вроде настоящего письма. Но кто его напечатает? Это раз. А во-вторых, этот вопль моего сердца, эти мои слезы, мою святыню непременно осмеяли бы подлецы и мерзавцы, стоящие во главе нынешней прессы, и цель моя не была бы достигнута. Да, наконец, Вы сами знаете, что я человек отпетый, сумасбродный, что я не литератор или же только «цепной литератор», который без толку и без разбора, как собака, лает и бросается на всех и на все, и потому слова мои ни для кого не будут убедительны.

Григорович два раза отказывал мне даже в билете на похороны Тургенева и, наконец, дал билет только благодаря заступничеству и ходатайству Гаевского. Вы — другое дело. Вы имеете значение и в **их** глазах; и **они** выслушают и могут принять во внимание Ваши резоны. Вы убедите их, что для нас Добролюбов столь же дорог, как для **них** Тургенев, что и мы так же щепетильны относительно могилы нашего учителя и друга, как они щепетильны в выборе места погребения **их** друга.

В заключение скажу Вам, что мысли, изложенные в настоящем письме, разделяются многими почитателями Добролюбова, с которыми мне приходилось говорить, и что они, в случае надобности, могут поддержать Ваш протест в той или другой форме.

В надежде на исполнение Вами моей просьбы остаюсь Ваш покорный слуга

М. Антонович.

18-го сентября 1883 года».

Резкость этого письма вполне уместна. Среди членов похоронной комиссии только один Григорович был подлинным писателем. Остальные — люди, очевидно, нужные Литературному фонду по своим связям — никакого отношения к литературе не имели. В комиссию по похоронам Тургенева они вошли только для придания ей большего веса в глазах высших властей.

Антонович опасался, что на его протест в печати не обратят внимания и поэтому просил Пыпина помочь ему. Антонович вел по этому поводу разговоры и в литературных кругах. Вероятно, кто-то уговорил и вдову Белинского протестовать против перенесения праха ее мужа, так как вскоре в газетах появилось сообщение, что она решительно возражает против этого.

При таком положении вещей похоронной комиссии пришлось отказаться от выполнения завещания Тургенева. Тургенев был похоронен отдельно. Могилы великих критиков-революционеров остались на прежнем месте.

[1] Хранится в рукописном отделении библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

[2] М. М. Стасюлевич — редактор и издатель «Вестника Европы» — **Н. Б.**

В. И. Суриков. Женская голова». Эскиз к картине «Боярыня Морозова».

Иван НОВИКОВ

Как я работал над романом «Пушкин в Михайловском»

Роман задуман был мною в самом селе Михайловском в 1924 году, когда исполнилось столетие со времени высылки Пушкина в деревню. Около десяти лет ушло на предварительную работу по овладению огромной пушкинской литературой. Материал этот далеко не равноценный. Надо было отчетливо знать, чем можно пользоваться и чем нельзя.

Почти каждый из документов требовал раскрытия не только степени его достоверности, но и разгадки, почему какое-нибудь данное событие освещается так или иначе. Метод сопоставления различных свидетельств дает очень многое в поисках подлинной исторической правды.

Часть таких розысков, для проверки самого себя, я докладывал в Пушкинской комиссии Академии наук. В результате в романе не мало собственных решений различных моментов из жизни Пушкина той эпохи.

Но, конечно, все это было лишь частью задачи. В работе над художественным произведением далеко не довольно **знать**, необходимо все **почувствовать** изнутри и **увидеть** как подлинно бывшее. Решающую роль в этом сыграло творчество самого поэта.

Когда я наложил, если можно так выразиться, хронологическую сетку творческой его биографии на сетку жизненной биографии, для меня сразу открылась цельная полнота этой изумительной жизни, и все стало на место. И эти месяцы живого раскрытия Пушкина, отчасти совпадавшие уже и с самым процессом писания романа, были самою радостной и наиболее волнующей частью работы.

Каждый день, как почка на дереве, открывалась какая-нибудь новая живая подробность в живом образе поэта.

Очень много в этом отношении дало мне ознакомление с подлинными рукописями Пушкина. Иногда один какой-нибудь перемаранный черновик открывал больше целого исследования.

Вообще же надо сказать, что работа над романом с историческими лицами существенно разнится от работы над художественным произведением с лицами вымышленными. В то время как во втором случае автор совершенно свободен и в выборе персонажей и в развитии фабулы, в исторической вещи все это уже как бы дано, но зато требуется полное **раскрытие** образа и эпохи. При этом задача — дать все же именно **роман**, а не «романизированную биографию» — задача большой трудности, ибо необходимо, будучи верным действительности и обходясь без вымышленных лиц и положений, дать цельное произведение со своим самостоятельным развитием и внутренней закономерностью.

Следует особо оговорить ту роль, какую играли в жизни Пушкина воспоминания. Мы знаем об их исключительной силе по свидетельству самого поэта, но лишь вникая день за днем в его жизнь, начинаешь постигать со всею конкретностью, как стремительно вторгались они, порою даже более живые и страстные, чем сама эта действительность, тем самым переставая быть только воспоминаниями, а становясь живым настоящим.

Так в деревенскую глушь привез он с собою горячее чувство прерванного романа с Воронцовой; так с огромною силой вскипали в нем и политические страсти его юности. Приезд лицейского друга, Пущина, их оживил с новою силой. Так скромная по своей видимости деревенская жизнь поэта, исполненная могучего творчества, была неотрывна от жизни и событий родной страны и теснейшим образом переплеталась с событиями личной его жизни. Она была полна страсти и чувства, любви и гнева, общения с природой и напряженнейшей и высокой творческой работы. Так прояснялся и вырастал и самый образ поэта, которого «обыкновенная» жизнь его делала необыкновенным. В творчестве своем он умел, как никто, подниматься не только над окружающим, но и над собою самим.

Можно сказать, что сам Пушкин, простой и гениальный, помогал автору романа разрешать вопрос о положительном герое, не приписывая ему никаких специфически украшающих его качеств. Пушкина не надо искусственно возносить, он не боится никакой о себе правды, и с ним каждому легко и радостно расти до все больших высот.

Далекая эпоха, тупая и злая, свалила простого и гениального человека, но поэт легко перешагнул свою эпоху и живет среди нас через сто лет после своей физической гибели: живой среди живых.

В. И. Суриков. «Неаполь».
Выставка произведений В. И. Сурикова в Государственной Третьяковской галлерее.

В. И. Суриков. «Смеющаяся девушка». Эскиз к картине «Взятие снежного городка».

Новые романы Г. Уэлса и А. де-Монтерлана

На собрании критиков в «Интернациональной литературе»

Редакция журнала «Интернациональная литература» ввела интересное новшество в свою работу: актив журнала систематически выступает на собраниях критиков и переводчиков с подробной информацией о крупнейших явлениях западной литературы.

На последнем собрании (1 февраля) с информацией такого рода выступили тт. С. Динамов и Б. Песис.

Большой интерес представляло сообщение С. Динамова о новом романе Герберта Уэлса «Игрок в крокет» (печатается в «Интернациональной литературе» № 2).

Это — фантастический роман, свидетельствующий о том, что писатель начинает видеть болезнь, раз'едающую самые основы капиталистического строя. Отсюда — пессимистический тон произведения, его сверхиндивидуалистическая мораль, зовущая уйти в мир личных интересов, в «сегодняшний день»

Чрезвычайно красноречиво звучат в этом смысле финальные слова произведения Уэлса: «Мне наплевать! Пусть мир идет ко всем чертям. Пусть возвращается каменный век. Пусть это будет, как вы говорите, закат цивилизации... Что бы там ни было, но в половине первого я играю с тетушкой в крокет».

Тов. Б. Песис ознакомил собравшихся с содержанием появившихся недавно во Франции романов Анри де Монтерлана «Девушки» и «Жалость к женщинам». Романы эти написаны еще в 1930—31 г. Тот факт, что Монтерлан нашел возможным опубликовать их сейчас, после «Холостяков» и «Бесполезного служения», свидетельствует о том, что власть прошлого еще довлеет над этим писателем. А в этом прошлом не мало эстетского психологизма и снобистских изысков.

На собрании присутствовал прибывший на-днях из Америки Айсидор Шнейдер, писатель и публицист, являющийся одним из редакторов журнала «Нью мессес».

Шнейдер информировал аудиторию о настроениях американской интеллигенции, в частности, о жизни и работе крупнейших писателей — Уолдо Френка, Теодора Драйзера, Дос-Пассоса, Шервуда Андерсона, Эрнста Хемингуэя, Эптона Синклера, Синклера Льюиса и др.

Троцкистская агентура во главе с пресловутым Максом Истменом пытается втянуть художественную интеллигенцию Америки в орбиту своего влияния, но компартия неутомимо и успешно разоблачает всю предательскую практику фашистско-троцкистской шайки.

Не подлежит никакому сомнению, что данные, выявленные на последнем процессе террористической банды в Москве, помогут компартии Америки до конца разоблачить гнусную природу и намерения троцкистских последышей. Об этом свидетельствуют уже и те, пока немногие, отклики на процесс, которые успели поступить из-за океана.

Тов. Шнейдер останется в СССР на полтора года и будет редактировать английское издание журнала «Интернациональная литература».

Я. Э.

Они хотели отнять у наших детей их счастливое детство

На собрании жен писателей 3 февраля

Два чувства звучали в этот вечер в речах жен писателей столицы: гнев против неслыханных ошеломляющих преступлений троцкистских псов и удовлетворение от сознания, что верхушка троцкистской банды уничтожена.

Просто и хорошо рассказали тт. А. Фадеев и Л. Никулин о значении суда над гнусными холуями фашизма. Но у жен советских писателей — у советских женщин есть свой особый счет к этим отребьям человечества.

— Они хотели отнять у наших детей, — говорит т. Т. Иванова, — их счастливое детство. Победы нашей родины, записанные в сталинской Конституции, сделали советскую женщину гордой и свободной, сделали ее самой счастливой матерью в мире, и этого хотели нас лишить те, кого даже нельзя назвать людьми. Мудр и справедлив приговор советского суда.

— Они сами о себе написали позорнейшую книгу, — метко замечает т. Гребнер.

Полны гнева речи тт. Анисимовой, Ромашовой, Субботиной, Санниковой, Чалой и др. Они призывают к повышению бдительности, к поднятию уровня своих политических и военных знаний.

А. ГОРИН.

А. ЧЕГОДАЕВ

В. И. Суриков

1

Выставка величайшего русского художника В. И. Сурикова меньше всего похожа на историческое воспоминание. Она органически и непосредственно включается в борьбу за большое искусство нашей эпохи.

Рядом с недавними выставками Серова и Репина суриковская выставка кажется гораздо более спокойной. На тех выставках бросались в глаза горячий темперамент, многосторонние и разнообразные поиски, блестящие находки, вперемежку с болезненными срывами. Суриков поражает прежде всего своей исключительной целостностью.

Закончив свою академическую выучку и сбросив с себя ее мертвящие путы, он в первом же этюде к «Стрельцам» намечает с полной ясностью все основные элементы своей будущей живописи. С тех пор его творчество развертывается наподобие некоей могучей фуги, все глубже, все богаче, все неотразимее раскрывая мерный ритм одной основной, целостной темы. Этой темой у него сразу же стало исключительное, прямо осязательно ощутимое чувство реальности каждого предмета, человека, места, времени. Убедительность образов Сурикова подымается до высокой ясности классики.

Чувство подлинности, достоверности с особенной силой возникает перед акварельными пейзажами и перед портретами Сурикова. Его «Сибирский пейзаж — Торгошино», «Валенсия», «Река Обь» вызывают ощущение неповторимого своеобразия местного ландшафта, какое возникает только перед подлинной природой. Пропитанные солнцем пальмы Валенсии или мутная, песочно-серая рябь реки Оби не возбуждают, как многие прекрасные пейзажи, желания поехать, посмотреть, проверить на месте: эти скромные и неэффектные акварели, просто и обобщенно написанные, точно исчерпывают самое основное, самое важное знание о природе и ощущение ее. В истории пейзажа не много таких синтетических и в то же время пластически-осязательных и конкретных произведений. В старой русской живописи лишь некоторые пейзажи Ал. Иванова и Серова достигают суриковской простоты и силы.

То же чувство вызывают портреты Сурикова. «Человек с больной рукой», «Смеющаяся девушка», «Портрет матери», «Автопортрет» 1913 года, «Горожанка», «Сибирская красавица» — не случайно почти что безымянны: они не могли не получить именно таких общетипических названий, потому что вырастают за пределы своей индивидуальной модели. Они не показывают интереса к случайным индивидуальным особенностям. Люди Сурикова владеют более долгой, более постоянной жизнью, их каждый может встретить много раз в своей жизни. Суриков раскрывает здесь свою принадлежность к той большой линии реалистического искусства, которая от времен классической древности добывала высшее и вернейшее художественное познание мира.

Только человек, влюбленный в реальную, земную жизнь со всей ее сложностью, мог создать такой обаятельный, дышащий здоровьем и молодостью, одновременно глубоко чувственный, ясный и чистый образ, как «Смеющаяся девушка» или «Сибирская красавица». Не многие (и не только среди русских) художники находили такое количество глубоко реалистических образов в портретах, в больших исторических картинах.

2

Самой основой столь сильного воздействия суриковской истории является не только «угадывание» (как говорил сам художник) эпохи, но прежде всего абсолютная правдивость, глубокое обобщение реалистических народных характеров.

В этом сказалась больше всего народность искусства Сурикова. Его искусство последовательно антибуржуазно и антиаристократично, как всякое действительно большое реалистическое искусство. Суриков не был революционером и, вероятно, плохо разбирался в окружавших его общественных явлениях. Он не знал верного выхода для тех огромных народных движений, которые изображал в своих картинах. Об этом писалось очень много, даже с избытком. Гораздо важнее установить, что правдивость и огромная сила суриковского реализма не зависела от выбора сюжетов, что его народные трагедии не становятся менее содержательными и значительными оттого, что раскольники и стрельцы бунтовали во имя старого, а Ермаком воспользовалось царское правительство для угнетения народов Сибири.

Советский зритель смотрит на «Покорение Сибири» Сурикова совсем не теми глазами, что Александр Бенуа. Для нас эта картина представляет собою вовсе не «торжество православного воинства», а огромную трагедию народа, не могущего ничего противопоставить грубой силе огнестрельного оружия. С нашей точки зрения невелико «геройство» — воевать с пушками и ружьями против беззащитных людей, имеющих лишь луки да заклинания шамана! Но Суриков вовсе и не собирался заниматься прославлением дикого национализма, что пытаются приписать ему некоторые критики.

С исключительной внимательностью и сочувствием, с неизменной правдивостью и реализмом передает он лица пораженных ужасом сибиряков. Их привлекательные и яркие типы крепко врезаются в память. Жестокая, реальная история встает у Сурикова во всей своей неприглядной правде. Не случайно единственным критиком, понявшим и высоко оценившим это произведение, был Лев Толстой, как известно, в 1895 году никак не расположенный к апологии насилия.

Может быть, случаен выбор сюжета для «Перехода Суворова через Альпы», но для нас основным содержанием картины оказывается трагическое противоречие великой героической энергии народной массы с растрачиванием ее на совершенно бессмысленное и гибельное действие.

Разве могут шутки Суворова и смех пары солдат скрыть холод ледяного пейзажа и верную смерть для летящих в пропасть испуганных, подавленных людей? Может быть не стоило затевать такую большую работу для столь безнадежно мрачных результатов, но картина производит впечатление грандиозности.

В таких картинах, как «Утро стрелецкой казни», «Боярыня Морозова», «Меншиков в Березове», «Степан Разин», Суриков свободен от всяких упреков и с точки зрения сюжета. Пусть по неверному пути направлено возмущение народной массы против насилия и угнетения (в «Стрельцах» и «Морозовой»), — напряженность этого возмущения перерастает в картинах Сурикова свои мотивировки и покоряет своей силой и советского зрителя.

Народная героика, не находящая себе до конца реального разрешения, лучше всего выражена Суриковым в образе задумавшегося Степана Разина. Много раз Сурикову задавался вопрос, куда же плывет эта лодка, о чем думает вождь народного восстания? Может быть, Суриков сам не знал, может быть, и не мог знать. Но ведь он писал этот громадный холст, этого могучего человека, плывущего в бескрайний простор великой реки — в годы самой глухой реакции, в 1907—1910 годах! Много ли художников в эти годы думали о Степане Разине? Эта замечательная картина достойно увенчивает путь Сурикова. Ему было тогда 60 лет, а мысли и работы были моложе, чем у многих молодых.

Суриковские исторические картины общеизвестны, и все же до сих пор не сделан их настоящий анализ. А извлечь из них можно было бы много примечательного.

Сурикову чужда какая бы то ни было мистика и религиозность, хотя «Боярыня Морозова» сплошь заполнена церковными главками и другими явно религиозными деталями. Самым наглядным свидетельством совершенной неспособности Сурикова к религиозным чувствам являются его юношеские работы — фрески со «Вселенскими соборами», и абсолютно неудавшаяся попытка обратиться к «утешению» религией в минуту огромного личного горя: написанное сразу после смерти жены «Исцеление слепого». Тотчас же после «Исцеления» он создает прекрасное, увлекательно веселое, насквозь «земное» произведение — «Взятие снежного городка».

Об изумительном суриковском чувстве эпохи писалось достаточно, и сам он формулировал свое отношение к исторической живописи очень ярко. Но до сих пор не проделана работа по сравнению суриковской истории с той' безбрежной массой «исторической» живописи, которая заполнила собою 19-й век европейского искусства. Стоило бы вспомнить все костюмированные анекдоты разных Пилоти и К. Маковского, всю бульварщину и пошлость французских салонов, всю сентиментальную или кровожадную контрреволюционную агитацию всевозможных Деларошей и Рошгроссов, чтобы навсегда прекратить разговоры о том, что Суриков «цеплялся» за прошлое, чтобы противопоставить его настоящему.

3

Суриков — один из блистательнейших мастеров цвета. Выставка кажется очень суровой и сдержанной, она вся пронизана одним типичнейшим «суриковским» серо-голубым тоном. Но в этой цветовой сдержанности Суриков дает самую глубокую в русской живописи 19-го века цветовую насыщенность. Нигде так не сказывается его влюбленность в красоту реальной жизни, как в этом скрытом и сдержанном горении цвета в его картинах. Он не забывает не только ни одного лица, ни одного человека в своих больших полотнах, но и узорной каймы или расписной детали саней: все это занимает свое место, не мешая действовать людям, но ни одно цветовое пятно не растрачивается художником впустую. Большие картины Сурикова и бесчисленные этюды к ним — это одна из главных сокровищниц реалистического искусства, столь же простого и непосредственного, сколько сложного и мощного.

Суриков — не музейная ценность, не история, — он наш современник, он новый, полный свежей и молодой силы мастер, неисчерпаемый источник самых серьезных и самых жизнеутверждающих чувств и знаний о реальном мире и человеке.

4

Может быть, не стоит заниматься похвалами Сурикову? Нужна ли апология такому художнику?

К сожалению, с точки зрения некоторых наших «критиков» Сурикова хвалить не следует.

Стоит привести несколько цитат.

«Суриков является художником, выступившим в качестве идеолога миллионных масс патриархального крестьянства, но эволюционировавшим в условиях реакции 80—90-х годов к представительству интересов реакционно-монархического национализма, опиравшегося на кулачество. В этом — диалектика развития его творчества».

«Суриков ограничен как художник узко-националистической идеологии, как идеализатор подвигов российской военщины, как проповедник религии и непротивления, смирения крестьянской массы».

«Разин», оказывается, «отмечает наиболее глубокий упадок творческой мысли художника».

В «Суворове» «талант Сурикова, еще не сдававшийся, но уже подточенный ложной идейной основой в «Покорении Сибири», показывает такое крутое падение, после которого Суриков уже не смог более подняться». Никакой трагедии и героики тут нет, это всего-навсего «жанровая вещь, размельченная рядом деталей комедийно-фарсового характера».

Этот критик в творчестве Сурикова, великого народного художника, одного из самых земных, жизнеутверждающих, свободных и непокорных творцов реалистического искусства, — находит все самые реакционные качества: и «религиозность и даже мистичность», и «идеализацию старины», и поиски героев «среди наиболее консервативных, патриархальных слоев», и «идею фатализма», и «готовность пострадать, подчиниться предназначенному», и т. д.

Вся эта вздорная чепуха напечатана в «Монографии» о Сурикове А. Михайлова (1935), в пышном облачении псевдо-марксистской фразеологии. Вульгарно-социологические измышления А. Михайлова, примитивнейшим образом «анализирующие» не более чем **названия** суриковских картин и совершенно искажающие облик художника, почти полностью повторены во вступительной статье к каталогу (автор Н. Щекотов) и в путеводителе по выставке (автор С. Дружинин), с добавлением собственных «вариаций» в том же духе.

Статья в каталоге и путеводитель выполняют в данном случае еще более вредную роль, чем книга Михайлова, хотя авторы и стараются иногда смягчить его слишком уж воинственные формулировки: ведь их будут читать **все** посетители выставки. Если поверить такой характеристике Сурикова, то естественно может возникнуть лишь один вопрос: зачем устраивается торжественная выставка этакого художника?

Но мощь и реалистическая глубина суриковского искусства настолько сильны, что вопреки подобным неверным оценкам посетитель выставки уносит с собой чувство огромного уважения и близости к этому суровому и жизнерадостному художнику.

Евг. ЛАНН

Молодой Диккенс

(К стодвадцатипятилетию со дня рождения).

В этом году два юбилея. Сто двадцать пять лет с того дня, когда — седьмого февраля — в семье мелкого портового чиновника, в Портсмуте, родился Чарльз Джон Хаффем Диккенс. И сто лет со дня выхода «Записок Пиквикского клуба» первым отдельным изданием.

Болезненный, хрупкий, маленький, Диккенс вынужденно сторонился шаловливых сверстников. Даже в мраморные камешки — любимую игру английских детей — он играл плохо. Он сидел в сторонке и наблюдал игры товарищей так же печально и мудро, как маленький Поль Домби.

Он переезжал из Портсмута в Лондон, затем в Чатхем и снова в Лондон, жалкого клерка Джона Диккенса перебрасывали из города в город, невзирая на большую его семью. В Чатхеме Чарльза послали в начальную школу.

В Чатхеме маленький Чарльз мог убедиться, что его безвольный отец полюбил пунш, и в Лондоне — они переехали туда, когда Чарльзу исполнилось девять лет — в домике Диккенса обстановка была нищенская. Большая семья, пунш, ничтожное жалование. Джон Диккенс опускался, пока не попал в долговую тюрьму. О ней — о Маршельси — мы хорошо знаем по «Крошке Доррит».

Когда читаешь письма Диккенса, видишь, что надрыв маленького Давида Копперфильда — надрыв самого Диккенса. Он должен был — двенадцатилетний мальчик — искать заработка. Знакомые помогали ему поступить в заведение, вырабатывающее ваксу. Мальчик надевал на баночки с ваксой бумажные колпачки, туго обвязывал горлышко шнурком, пока они не выглядели так же красиво, как «баночки с мазью из аптеки», и наклеивал ярлычки.

Трудно предположить, что взрослый Диккенс искажает психологию Диккенса двенадцатилетнего, описывая в письмах чувство несказанного унижения, сопутствовавшее ему, пока он работал в заведении Уоррена. Это чувство было такой остроты, что Диккенс не мог приближаться к тому кварталу, где находилось это заведение, пока не исчез Хенгерфордский рынок, а Хенгерфордская лестница не была разрушена, словом, пока не изменилось лицо этого квартала. Он долго не мог выносить запаха цемента, который Уоррен прибавлял в ваксу. «Уже после того, как мой сын начал говорить, я плакал, когда мне приходилось итти старым, обычным путем, каким я некогда шел из заведения домой».

В этой беспомощности перед тяжелыми воспоминаниями, в этой остроте вернувшихся эмоций — весь Диккенс. В ней — пленительность его сентиментализма, в ней разгадка его исключительной, неумирающей власти над детьми. Он был ребенком в ту пору, и он становился им, когда много лет спустя, даже под старость, заставлял своих героев быть такими же беспомощными перед эмоцией.

Эта горьчайшая эмоция, о которой он никогда не мог спокойно вспоминать, уходила в чистый источник. Ибо там, в заведении, рядом со своими товарищами-сверстниками, он чувствовал, что все прежние его надежды «стать ученым, образованным человеком раздавлены». Спустя много лет он писал: «Для моего юного сердца было мукой поверить: неужели все, что я учил, о чем думал и чем наслаждался, все, что возвышало мою фантазию, все это ушло и никогда не вернется. Нет, это нельзя описать».

И нельзя описать радости его, когда освобожденный из тюрьмы отец — семья получила маленькое наследство, и долги были уплачены — решил взять его из заведения Уоррена.

Повидимому, двухлетнее пребывание в школе показалось Джону Диккенсу вполне достаточным для подготовки Чарльза к жизненной борьбе. И в пятнадцать лет Чарльз закончил свое систематическое образование.

Оно было более чем скромным. И оно осталось таким же до конца его дней.

Да, Диккенс знал не много из того ассортимента знаний, какой выносит из Итона и Гарроу рядовой питомец этих прославленных колледжей. У него мы не найдем греческих и латинских цитат, и щегольство эрудицией никогда не было ему по силам.

Но никому из его современников — Теккерею, Бульверу, Коллинзу, Эллиот — было не по силам состязаться с ним в той цепкости художественной памяти, в той наблюдательности, которая поистине была изумительна.

В пятнадцать лет он пришел клерком в канцелярию аторни. Через полтора года он ушел оттуда. А через восемь лет перед читателем «Пиквика» прошли не только классические типы английских законоведов, но и ряд инцидентов, свидетелем коих Диккенс был в канцелярии аторни Блекмора. А еще через два года он вспомнил о других инцидентах для «Никльби».

В «Копперфильде» он рассказал о том, как изучал стенографию. Она была ему необходима: из канцелярии аторни он перешел на работу репортером. И два года он неустанно репортерствовал по судам, с поражающей творческой жадностью вбирая в память судьбы маленьких людей, трагические были Ист-Энда, острые словечки, комические маски чудаков, осевших по неисчислимым комнатам Иннов. А когда ему исполнилось девятнадцать лет, он вошел на галлерею репортеров в палате общин.

Рядом на этой галлерее он увидел своего отца. Неудачливый клерк по морскому ведомству тоже стал парламентским репортером. Вместе с отцом Диккенс, стоя на коленях, записывал речи сквайров, выходивших на трибуну, а затем — колени еще болели — усаживался в карету и мчался за сотню миль от Лондона записать речи кандидатов на предвыборном митинге. Но еще больше внимания он уделял людям и фактам, ныряя в самые потаенные уголки Лондона со своей записной книжкой и кочуя по провинциальной Англии в любую погоду и по любому поводу.

Записная книжка разбухала, изощрялось умение молодого Диккенса, и наконец, в 1833 году, читатели ноябрьского номера «Старого ежемесячника» увидели первый его очерк. Капитан Холланд, издатель «Ежемесячника», ничего не заплатил за очерк, равно как и за другие, которые Диккенс начал давать в этот журнал. Но когда издатель «Морнинг хроникл» решил основать вечернюю газету и предложил Диккенсу писать очерки, Диккенс осмелел и попросил письменно прибавить ему несколько фунтов в месяц к его жалованию репортера. На это последовало согласие, и в январе 1835 г. в «Ивнинг хроникл» читатели прочли под очерком «Стоянка наемных карет» подпись «Боз». А к концу года Макрон решил издать очерки «Боза». В двух томиках они появились в феврале 1836 года — мастерская картина Лондона, повседневный его быт, уличные сценки, развлечения его и печали, зарисовки маленьких людей, иногда гротескные, иногда сентиментальные, выразительность которых подчеркнул прекрасный гравер Крушенк, неоднократно впоследствии работавший вместе с Диккенсом.

Когда Уайтхед, автор юмористической книги «Автобиография Джемса Кетча» (палача), указал издателям на «Боза», как на самого подходящего автора подписей под задуманными рисунками художника Симура, изображавшими приключения членов охотничьего клуба, Диккенс отказался связывать себя темой рисунков. Он согласился принять предложение только в том случае, если ему дадут возможность писать книгу приключений мистера Пиквика, а Симур удовлетворится ролью иллюстратора. Его доводы убедили издателей, и 31 марта 1836 г. первый выпуск «Пиквика» появился.

Парламентская сессия 1836 года была последней, на которой присутствовал репортер Диккенс, натирая мозоли на коленях. С появлением в «Пиквике» Сэма Уэлера грянула слава. Издатели Чепмен и Холл получили на серии выпусков Пиквика пятнадцать тысяч фунтов прибыли.

Двадцатипятилетний репортер и очеркист входил с триумфом в английскую классику.

Чарльз Диккенс в молодости.

Диккенс в советских изданиях

За пореволюционный период, с 1917 по 1936 год, издано **70** печатных единиц произведений Ч. Диккенса в количестве **одного миллиона девятнадцати тысяч пятисот экземпляров.** Из них на русском языке вышло **56** печатных единиц тиражом **в один миллион тридцать восемь тысяч экземпляров.**

«Универсальная библиотека» в 1918 г. выпустила повесть «Колокола» и роман «Давид Копперфильд» в трех томах. В 1919 году «Всемирная литература» издает «Повесть о двух городах» и переиздает «Колокола». В 1924 г., в издательстве «Известия ЦИК» вышли «Детские годы Давида Копперфильда», а в 1925 г. приложением к газете «Гудок» был выпущен, тиражом в **50.000** экземпляров, роман «Оливер Твист».

Выпуск произведений Диккенса усиливается с 1929 года.

В течение последних семи лет вышли романы «Записки Пиквикского клуба» (пять изданий), «Домби и сын» (шесть изданий), «Большие ожидания» (четыре издания), «Оливер Твист» (три издания), «Тяжелые времена» (три издания), «Холодный дом» (два издания), «Давид Копперфильд», «Лавка древностей» и др.

Гослитиздатом намечены к выпуску в 1937 г. романы «Оливер Твист» (два издания, из них одно массовое, тиражом в **50.000** и «Крошка Доррит».

В библиотеке для начинающего читателя выйдут рассказы Диккенса (тираж **150.000**). «Academia» печатает иллюстрированное издание романа «Оливер Твист» (тираж **25.000**).

На украинском языке были изданы: «Домби и сын», «Оливер Твист» (четыре издания), «Тяжелые времена», «Посмертные записки Пиквикского клуба» и «Повесть о двух городах».

На грузинском языке вышел роман «Давид Копперфильд», на армянском и казахском языках — рассказ «Узник Бастилии».

На английском языке выпущены в СССР: «Посмертные записки Пиквикского клуба», «Сверчок на печи» и избранные произведения (отрывки для школ).

Детиздат выпускает в этом году три книги Диккенса: «Записки Пиквикского клуба», «Домби и сын» и «Оливер Твист».

Трехтомник выйдет в хорошем оформлении, **25**-тысячным тиражом, в серии произведений русских и иностранных классиков.

Эти три книги Диккенса будут изданы для школьных библиотек тиражом в **100** тысяч экземпляров каждая.

Для малышей в серии «Маленькая библиотека» Детиздат выпускает «Пип» — отрывок из романа «Большие ожидания» (тираж — **100** тысяч). И наконец в маленькой библиотеке иностранных писателей **50**-тысячным тиражом выйдет один из рассказов великого английского писателя.

Таким образом, Детиздат даст в этом году своим юным читателям **375 тысяч** книг Диккенса.

Избавьте нас от этаких «пушкинистов»

Письмо в редакцию

9 января в клубе «Буревестник» устроен был пушкинский вечер. Устроители вечера: Лекционно-экскурсионное бюро и Московский лекторий.

Лектор (некто **Покровский**) нес околесицу и старался убедить слушателей, что Пушкин всегда был «чужд революции» и мыслил, как «стопроцентный дворянин». При этом лектор путал цитаты и хронологические даты.

По мнению Покровского, «ритм стихов «Евгения Онегина» отражает шагистику николаевской эпохи».

Дальше, как говорится, итти некуда.

Следующий номер программы — некая актриса **Лар.**

Завывая, она перевирала целые строфы и строки великого поэта. Зрители стали шумно протестовать. Но актриса Лар довела до конца свою программу.

Избавьте нас от этаких «пушкинистов».

Е. ЗАХАРОВА.
Учительница школы № 41.

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

Восклицательный знак

Правдивый рассказ о возвышении и падении молодого поэта

Когда он понял значение литер
И ритмы почуял на дне души,
Он сел за стол, он перышко
вытер
И стать молодым поэтом решил.
Ему открылись моря сравнений,
Горы гипербол, отары строф,
Ритмы в размеренно четком
движеньи
Шли на постройку его стихов.
Эпитет вдруг прорастал, как
цветочек,
Ломаных строк начинался
самум,
Проливные дожди лихих
многоточий
И прочих знаков летели к нему...
Ему бы командовать этим
отрядом,
Чтоб мир задрожал от его атак...
Но он спокойно сказал:
«Не надо!»,
И взял один восклицательный
знак.
О славе пели блестящие трубы,
И лавры венчали его чело,
Пока методически, плотно и грубо
Он знаки вколачивал между
слов.
«Мы в самолетах! Кругом
голубое!
Ночь! Голоса! Я гуляю с тобой!
Родина! Девушка! К смерти и
к бою!
Я! Или мальчики! Наперебой!..
На подоконнике муха и кошка!
Все это ясно! Низы и верхи!
Брюква! Корова! Баба
с лукошком!..»
...Сильно звучали его стихи,
Казалось, что слава его
беспредельна,
Казалось, не может померкнуть
она.
Но гром разразился...
Один бездельник
Украл у него восклицательный
знак.
И сразу стихи оказались
вздором,
Слова побледнели, пропал задор.
Он пробовал крикнуть:
«Держите вора!»
Чтобы хоть этим прикрыть
позор...
Но уже кричали ему:
болтунишка!
И слава рассеялась, словно дым.
Никто не хотел вспоминать
о книжках,
Называть способным и молодым.
Никто не пел ему дифирамбы,
И тихо угасла его звезда...
Он стал статистом, прижился
у рампы
И бросил!
Поэзию!!
Навсегда!!!

А. РАСКИН,
М. СЛОБОДСКОЙ

«Календарь» ДСП

Как отмечает Дом советского писателя столетие со дня смерти Пушкина? Какие вечера устраивает он для своих членов в юбилейную декаду и в дни, предшествующие ей?

В «календаре работы» ДСП (с 1 по 10 февраля) мы находим всего один вечер, посвященный Пушкину: четвертый декадник, на котором с докладом выступит Д. Мирский.

В юбилейную декаду ДСП, как мы узнали, также ограничивается устройством одного большого вечера памяти поэта: 11 февраля.

Никаких других пушкинских мероприятий пока не предвидится.

Е. КОСТРОВА.

Л. Н. ЗИЛОВ

25 января 1937 г. скончался от воспаления легких писатель Лев Николаевич Зилов.

В 1904 г. появились первые его стихотворные опыты, а в 1908 г. — первый сборник стихотворений.

Л. Н. Зилов уделял много внимания детям. За тридцать лет писательского труда им было выпущено для детей около пятидесяти различных книжек.

Последние труды Зилова — «Новеллы о Л. Н. Толстом» (1933 г.), «Л. Н. Толстой и его посетители» (1934 г.) и «Возвращенный Пушкин» (1936—1937 гг.).

«Надоедливая» редакция и очковтиратели из Гослитиздата

Пушкинский номер «Литературного критика» должен был выйти в январе (21 января — сигнальный, 27-го — тираж), тогда бы даже самый отдаленный подписчик получил журнал к юбилейным дням. Но журнал в январе еще не вышел. Виной тому безобразная работа Гослитиздата.

Все производственные процессы по номеру шли точно по графику вплоть до подписи в печать, т. е. и редакция журнала и 18-я типография были абсолютно точны. Мытарства начались тогда, когда начал «действовать» Гослитиздат.

Прежде всего, когда подошло время печати, оказалось, что бумага Гослитиздатом не доставлена. Поэтому печать номера началась на два дня позже, не 17-го, а 19 января.

Редакция тогда же (19 января) сигнализировала опасность срыва номера и просила т. Накорякова уточнить работу аппарата (отдел периодических изданий — тт. Барим и Ванишев). 21 января, когда было отпечатано только 10 листов, оказалось, что бумаги больше нет. Для оставшихся пяти листов журнала, в результате настойчивых требований редакции, бумага была доставлена только 25 января к 4 часам, и печатать на ней можно было лишь 27-го вечером (т. е. через 48 часов).

Пытаясь замазать свою неповоротливость и неумение работать, работники Гослитиздата занимались очковтирательством, сообщая, что бумага заготовлена на весь номер, — когда ее не было. Что дополнительная бумага завезена, — когда она еще не была доставлена. Что оставшиеся пять листов печатаются, — когда их еще и не собирались печатать.

В ответ на категорическое требование ответственного редактора «Литкритика» т. Юдина ускорить выход № 1, редакция неожиданно получила сигнальный номер 27 января.

Однако через несколько дней выяснилось, что сигнальный номер был таким же очковтирательством, как и предыдущие сообщения: 26-го или 27-го было отпечатано только по 500 экземпляров последних листов, из которых были сделаны сигнальные экземпляры.

Так Гослитиздат успокоил «надоедливую» редакцию, а тираж номера — 24.500 экземпляров — оставался ненапечатанным.

К сожалению, подобные факты не являются исключением в практике периодсектора Гослитиздата. Однако руководители Гослитиздата продолжают относиться к подобной работе со странным благодушием.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 88-61 и 4-64-60.
ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 468-18 и 551-60.

Е. ЗОЗУЛЯ

БЕССМЫСЛИЦА

К вопросу о внимании к писателю

Мне хочется подумать вслух по поводу этого несомненно важного дела. Именно: отношения к писателю.

Останавливаюсь на себе только потому, что материал, меня касающийся, мне, разумеется, хорошо знаком.

В Ленинграде есть газета «Литературный Ленинград» Недавно газета прославилась замечательным актом «внимания» к молодому писателю Семину.

Газета не без лирического волнения писала, что Семин **«растет с чрезвычайным трудом и медленностью».** Между тем, Семин умер... два года назад.

Таково «внимание» «Литературного Ленинграда» к молодому писателю.

А вот «внимание» ко мне. В «Правде» И. Лежнев написал известную статью о вакханалии переизданий. Добрая половина этой «вакханалии» приходится на Ленинград. Ведь сколько издано в Ленинграде плохих книг, сколько их переиздано! Об этом говорили на с'езде комсомола. Но продлила ли список, помогая «Правде», ленинградская газета? Упомянула ли она хоть нескольких ленинградских «переиздавальщиков»?

Нет. Она открыла только одного злодея. Кого бы вы думали?

...Меня! Из всех ленинградских и московских писателей, оказывается, я издан в количестве 488.000 экземпляров... На эту тему специально нарисована карикатура.

А ведь это вздор полнейший. За 22 года моей литературной работы я издал всего **пять** книг ординарными тиражами, да еще с десяток мелких, полуторалистных книжек, которые в общей сложности вряд ли составят какую-нибудь «первую часть» чьего-нибудь пухлого романа с «продолжением».

На что же потрачено место в газете? Для чего рисовалась карикатура, тратилась бумага? Разве можно у нас так бессмысленно и бесцеремонно обращаться с чужим именем, не проверив того, что о нем сообщается?

В № 9 журнала «Октябрь» критик Журбина пишет:

«Неправомерное разрастание саркастических тонов, заполнение смысловых пустот саркастическими словами довольно устойчиво в нашей сатирической литературе. На такую саркастическую клавиатуру положены многие рассказы Л Никулина (главным образом, в «Деле Жуковского»). Такой печатью гипертрофии саркастических слов, в числе прочих «пороков», отмечены многие новеллы из цикла «Тысяча новелл» Е. Зозули».

Что это значит? Для чего на это косноязычие тратится бумага и труд наборщиков? Кому может принести пользу этот бред?

Этот список можно было бы продолжить до бесконечности.

Но оставим газеты и журналы. Может быть, более серьезное отношение к писателю мы найдем в энциклопедиях? Ведь энциклопедия—это постоянный, на много лет изданный справочник, на который ориентируются сотни тысяч и миллионы советских читателей. Может быть, тут дело обстоит серьезнее?

Увы, это очень грустно, но и об энциклопедиях нельзя писать без улыбки. Судите сами.

Статьи о моей скромной личности напечатаны во всех томах Энциклопедии, где только есть буква «З», — исключая разве только медицинскую... Я имею удовольствие читать о себе статьи и в Большой советской энциклопедии и в Малой, во всех повторных изданиях — всего в **пяти** томах. Пять томов энциклопедии! Это—не шутка.

Всюду—в приятном соседстве с великим именем Золя и словом «Золото»—красуется моя фамилия—с годом рождения и, как полагается, с заблаговременно оставленным местом для печальной даты неизбежной кончины... Однако, на усиленное внимание никто не жалуется. Раз пишут — значит, знают, что делают. Но... **ЧТО** пишут?! Какая польза от этого «внимания»?

В трех статьях из пяти в перечне моих работ фигурирует таинственная книга «Фрески». Такой книги у меня нет и никогда не было.

Но как отнестись к следующей ошибке: в Малой энциклопедии напечатано, что я люблю писать о «маленьких, незаметных людях». Что ж, и на этом можно было бы не останавливаться

Но в качестве примера таких писаний названа моя книжка «Встречи». А в этой книжке идет речь о... Ленине.

Если бы автор статьи (в **Энциклопедии!**) не только читал бы эту книжку (зачем такое крупное беспокойство!), но хотя бы заглянул на титульный лист, он увидел бы, что в этой книжке идет речь о крупных людях и в первую голову — о гениальнейшем человеке. Что может быть вреднее такой халтуры?

Но это не все. Энциклопедии ничего не стоит и низвести вас с таких высот. Создалось положение, что Энциклопедия следит за мной, скромным писателем, неустанно и записывает каждый мой шаг не как Энциклопедия, а словно какой-то бюллетень. Не успеваю закончить какую-либо работу, как немедленно, без всяких проволочек самую «окончательную» оценку я нахожу прежде всего в... Энциклопедии.

Например, не успел я написать «Собственность» и первый вариант этой работы напечатать в «Красной нови», как немедленно в Большой советской энциклопедии появилась рецензия — такая же «точная» и «авторитетная», как приведенные выше образцы.

Попутно, конечно, заново сообщалось (а то как бы читатель, чего доброго, не забыл), что я — автор все того же таинственного, несуществующего сочинения «Фрески»...

И еще: человечеству чрезвычайно важно знать, в каком именно году я начал работать в журнале «Огонек». И Энциклопедия — на то она и Энциклопедия — авторитетно сообщает: с 1919 года. И, конечно, человечество введено в заблуждение, потому что «Огонек» начал издаваться с 1923 года...

Ни одного факта не пропускает Энциклопедия, чтобы не наврать.

В последнем томе Малой энциклопедии (1936 год), куда опять вошла злосчастная буква «З» (и весь ассортимент — «Золя Эмиль», «Золото», «Золотая рыбка» и т. д.), опять на том же месте моя фамилия.

Издание «переработанное». И что же? С той же прытью опубликовано «окончательное заключение» и о новой моей, далеко еще не законченной работе — «Тысяча».

Но сначала (опять!) — хотя издание и «переработанное» — торжественно сообщается все о той же «Фреске»... На этот раз эта «Фреска» уже не книга, а «небольшая новелла» и— чудовищно! — даже передается ее содержание, а именно: я пытался «показать ломку человеческой психики»...

Поистине, какая ломка человеческой психики должна быть в литературном отделе Энциклопедии (подумайте только: в **Энциклопедии!**), чтобы передавать содержание **несуществующих** произведений?

Но и это не все.

О моей серии «Недоношенные рассказы» говорится: «в этой серии Зозулей показывается «пошлость, опутавшая человека и мешающая ему быть участником соцстроительства».

Автору похвально — что и говорить! Жаль только, что «Недоношенные рассказы» написаны... до революции, и пошлость, «опутавшая человека» (?), действительно мешала ему делать многое хорошее, но быть участником социалистического строительства она при всем желании еще не могла мешать...

И, наконец, после этой чепухи говорится, что «лучше всего удаются З. небольшие юмористические рассказы».

...Я-то как раз небольших юмористических рассказов не пишу, и поэтому этот комплимент могу полностью вернуть почтенной редакции Энциклопедии: небольшие юмористические рассказы как раз удаются ей... По крайней мере, читателю Энциклопедии приходится частенько весело смеяться...

Мне же остается спросить: сколько **стоит** все это? Сколько требуется набора, печати, бумаги для этой чудовищной чепухи?

Сколько, в общей сложности, без всякой вины с моей стороны, обходится государству это «внимание» к одному только писателю? Ведь на это «внимание» ко мне (и мне и никому в таком виде совершенно ненужное) ушли **вагоны** бумаги! А какая и кому от этого польза?

В какой еще области царит такая неумная и скандальная **бесхозяйственность?**

Уполном. Главлита В—26107.
Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.